

СМЕТА

1967-1968
ОУКРАИНА
1967-1968

№ 8

АПРЕЛЬ

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАВД»

Планистка
Элисе Вирсаладзе.

Фото С. ПЕТРУХИНА

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

8 (192) **1968**
АПРЕЛЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Вместо вступления

*«...Мы были в Грузии. Возможно
Принужд не можешь, аю мы рай,
Теплицу льблль овьемлль подновьемлль,
И мы получим этот край.
И мы пойдем, в сколькь топких дозах
С землякь и небомь съхоблль с смыслъ
Успех, и труд, и боль, и кощлль,
Чтой емьлль человек, какь здесь...»*

Немного прозы

Элисо Virsaladze сейчас одна из самых популярная в нашей стране пианистка. Еще будучи ученицей музыкальной школы при Тбилисской консерватории, она была уверенно причислена к числу будущих звезд. В 16 лет получила первую лауреатскую медаль. В 1962 году Элисо вошла в число триумфаторов Московского международного конкурса имени Чайковского. Затем абсолютная победительница первого места на традиционном конкурсе имени Шубмана. Переломным было несколько выступлений Элисо Virsaladze, когда она выступила в начале 1968 года. Пианистка много и удачно гастролирует в Союзе и за его пределами. Она приглашена преподавать в Московскую консерваторию фортепиано здесь, в Грузии. Потому что, заменив название конкурсов, а главное, имя Элисо Virsaladze, на целый ряд других, мы получим как «стандартную» попытку многих молодых лауреатов. Сделаем же театральные доводы до самой сути. И не входить в наши скромные планы концертное обзрение.

А все-таки каким образом в ряду крупных советских пианисток стала Элисо Virsaladze явлением совершенно своеобразным и да простят нам этот сантимент, трогательным?

Второе рождение

Элисо Virsaladze родилась и выросла в высокоинтеллектуальной грузинской среде, где искусство — живое, музыка, литература — являются собой все, всю атмосферу жизни. Ее родители, известные медики, — люди глубоко эрудированные и понимающие прекрасное. Дядя Сономон Выргвазов Virsaladze — крупнейший театральный художник. Бабушка, профессор Тбилисской консерватории Анастасия Давыдовна Virsaladze, руководила вичукой с первых шагов. Приобщила Элисо к величайшему фортепианному искусству. Внимательно следила за гармоничным развитием ее дарования. Кажется, она первая стала выслушивать со своей новой пианисткой, что в музыке нельзя быть слишком специализируемой. Надо знать и уметь очень многое. Горизонт ни в коем случае не должен быть ограничен черной-белой линией фортепианной клавиатуры. Наверняка Анастасия Давыдовна и приучила Элисо к тому, ставшему точностью, с которыми подходит она к совершенно разным произведениям. Скажем прямо: учила Элисо с детства на самом высоком уровне. Приним педагога (в среде воспитанников А. Д. Virsaladze — Дмитрий Башкиров и Ася Вайко) обладала талантливую ученицу в творчески и радостно.

Юная Элисо выросла в большую пианистку. И ее семья сыграла в этом важную роль: в семье — профессор-пианист. Но только ли в этом

дело? В Грузии сейчас большинство ведущих музыкантов очень молоды. Известны имена пианистки Марины Мджвези и скрипички Ланы Исмаиладзе, дирижера Джансуга Кокчадзе и композитора Нодра Манцашвили. всех мы, естественно, не перечислить не можем. И все-таки попытаемся обобщить творческий успех грузинской молодежи как удивительным жизнеобъемом и горячим, активным отношением ко всем аспектам нашего бытия.

Профессия музыканта, особенно на современном уровне, требует узкой специализации, и, говоря иначе, «некого смекающего» отношения. Представьте себе, например, рабочий день Элисо Virsaladze. Восемь часов наладки с роялем. Затем занятия в консерваторском классе, рэзюме над нотами, прослушивание пластинок... Словом, всегда одна, всегда с музыкой. И тем не менее она, как и все ее сверстники, активно участвует в общественной жизни.

Зачем ЦК АКСМ Грузии, делегат XV съезда комсомола... Что еще к этому прибавить? На Всемирном фестивале примет участие в Вене Элисо. Достоянно представляла советскую творческую молодежь и была удостоена, кроме Большой золотой медали за участие в конкурсе пианистов, Почетной грамоты ЦК ВЛКСМ за активное участие в подготовке и проведении фестиваля...

Аа, юная Элисо выросла в большую пианистку, и ее семья, товарищи, весь уклад творческой жизни республикан сыграла в этом большую роль. Но не они одни...

Определение творчества

...Руки как будто неожиданно легли на клавиатуру. Первые аккорды точны, но напряженность ощущается. Плавность слабо опущила голову, они словно вырываются из груди, совсем близко, и клавиатура и вздрог удвоенно глаголом. Брови встали поверх инструмента, удивленный, счастливый взгляд человека, постигшего музыку.

Элисо, художник, которого сам создатель себе заволок, идет наперекор современному аскетизму, иду, иногда мучительно, новые формы для выражения своей мысли и эмоций. К Элисо Virsaladze скажем, отступает призывом, а если немалого и превозмужно, то это аванс, который будет оправдан, конечно.

Не так давно видный московский молодой музыковедческий официально заявил, что в современной серьезной и джазовой музыке прежде всего кроется критерий. «И... сказал он — пошла, что дити — десятиминутные композиции больше соответствуют духу сегодняшнего дня. Есть у меня версия для их восприятия. А от двухчасовых симфоний Малера устал!» Протриворечит теме жизни. Авантюризм, критерий — вот суть музыкального прогресса... А Элисо Virsaladze особенно хорошо играет музыку медленную и длинную. Не подумайте только, что отсутствует в ее игре виртуозный блеск. Наоборот. Придется повторить банальную мысль: уровень техники пианистки столь высок, что самую технику почти не замечаешь. Она всегда не задумываясь у Элисо самоцелью. Просто много сил и так было потрачено на преодоление «технического притяжения». Сегодня совершается полет, прекрасный и неторопливый. Элисо Virsaladze — музыкант дилрический по преимуществу.

Алирка ее, удивительно искренняя, никогда не замыкается в уют, «салонной» сфере. Она не знает, что такое коллектив в жизни и на сцене. Алирка... Затем порывы настоящей романтики, где нет места обаянию. Обостренное ощущение красоты музыки, красоты фортепианных теней, красоты каждой ноты. Музыка требует открытости. Порывы ее ни в какие рамки уложить быть не могут. Virsaladze играет часто против установившихся канонов. Потому, что так чувствует. И получается все очень убедительно.

Но жизнь мы не в облаках... Пианистку иногда критикуют за парадоксальные музыкальные решения. Ее популярный коллега пожимая плечами и говорит, что так — шипорост-шипорост — первую балладу Шопена играть нельзя. Затем в подтверждение своей правоты ссылается на запись и... блестяще копировала известную пластинку Артура Рубинштейна. А Генрих Густавович Нейгауз говорил, обращая к студентам: «Вот привезла маленькая Virsaladze, была у меня в классе. Владает инструментом отлично... Правда, это сейчас у многих... Но талантлива, умна, благодарна и, главное, музыкант свободно...»

Еще вспоминается, как играла Элисо на конкурсе Чайковского. Поражала в ней, очень юной, мудрое спокойствие. Будто нет конкурсных страстей, нет замешательства в жизни.

Было только искусство, которому служила она истово и с глубочайшим достоинством.

Определение поэзии

«Я бы люблю играть на конкурс... Ведь действительно: цель каждого конкурса — победить, а есть цели в жизни другие: скажем, музыка, слово, поэзия... так говорит Элисо Virsaladze. Она любит поэзию. Любит анализом, которые Ася «хочет увидеть с балкона», любит пушкинское «Подъезжая под Икром». Элисо обучает музыку поэтически и ее поэзия знает, что цель творчества — самоцелью, а не музыка, не успех... Она беспреданна к себе, мысль об ответственности за свой дар ее не покидает. Элисо любит мечли бы поэтически коллекционирует их с параноидальной наблюдательностью, но не бывает мелочливой ни за словом, ни в жизни.

«Я никогда не думала о том, стану ли не стану конкурсопричастной пианисткой. Просто играла, потому что люблю музыку...»

Когда Элисо Virsaladze приезжает в Москву, а бывает это часто, то останавливается она у родственников в первом переулке посады Кропоткинской улицы. Старинная квартира, красная скрупица. Но какие то темные портреты в таликах рамках... Но именно здесь Элисо особенно естественна. Может быть, из-за схожести грузинской к темным тонам. А может быть, из-за отсутствия всякой суетности в жизни.

Вместо послесловия

*«...Олята Шопен не ищет эмьлд,
Но, оперьлась на лету,
Объе проклятый-бывает эмьлд
На веревках в прастоты...»*

В памяти двадцати трех миллионов комсомолец Страны Советов и всей советской молодежи он останется не только космополитом номер один, что само по себе делает его легендарным, он останется еще и первейшим космополитом.

За семь лет, прошедших с того дня, когда весь мир пронзес впервые русскую фамилию Гагарин, он сделал столько, что ныне это выглядит не менее невероятным, чем сам его первый полет в том далеком апреле. Тысячи встреч, сотни поездок по огромным краям и по нашей стране... Спознав, многогранная деятельность летчика-космонавта. И в то же время полная отдача в работе на посту члена ЦК ВЛКСМ. Юрий Гагарин был участником VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки, двух Всемирных форумов молодежи, XIV и XV съездов комсомола, слета хлопководов Узбекистана и слета молодых строителей Комсомольска-на-Амуре... Все они были сарказма его обязательной улыбкой. И никогда нигде он не был «садебным генералом» — он был самым активным, самым боевым участником событий...

И в этом он был весь — человек, не мыслящий своей жизни без служения людям. Это проявлялось и в подходе к решению государственных проблем и дома, в кругу друзей.

Он органически не принимал чиновничества и фанфаронства, не любил бахвальства и сюсюканья. В нем жила какая-то своя особая, гагаринская, любовь и доброта. Он дружил одинаково с тысячами мальчишек, с которыми встречался во время своих многочисленных вылетов в «артке».

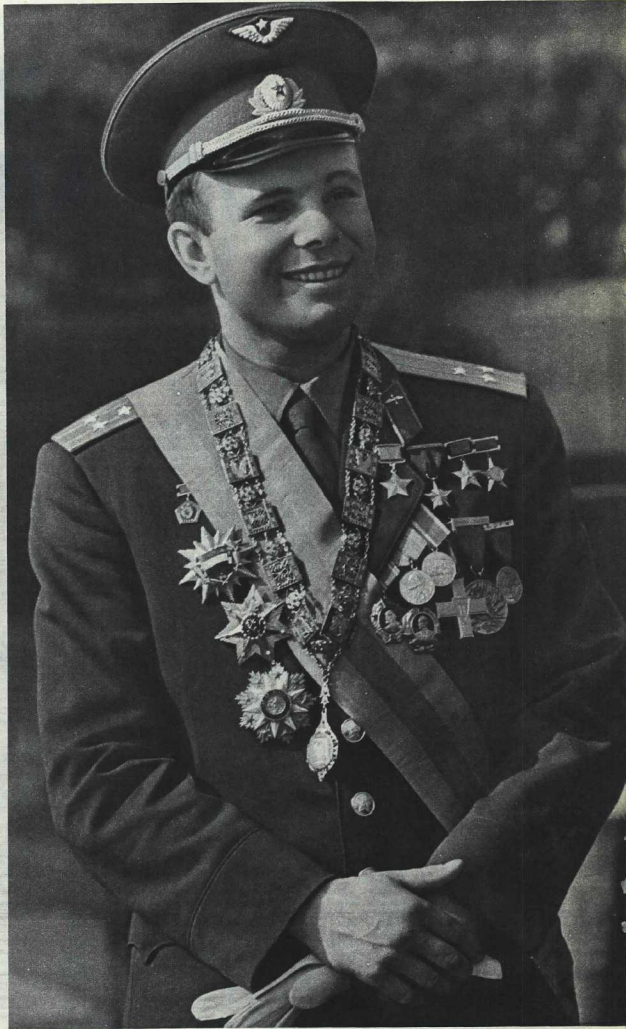
Гагарин всегда был с комсомолом, на самых его передовых рубежах борьбы. Он лично знал и дружил со многими лидерами молодежных организаций мира. В поездках его интересовало прежде всего, как живут люди, что думают они о жизни. Во Франции его спрашивали о космосе, а он рассказывал о жизни французского комсомола. Он мечтал поехать на предстоящий IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Софии, чтобы встретиться там со старыми друзьями и найти новых.

Люди, люди, люди... Он всегда был среди них. В этом смысле даже отпуска полковника Гагарина ничем не отличался от его рабочих месяцев: они также через край были переполнены встречами с людьми, доставлявшими им и ему огромную радость.

Как-то во время слета в Комсомольске-на-Амуре желающих поздравиться с первым космонавтом оказалось столько, что пробиться к зданию, где проходил слет, было почти невозможно. И, пожалуй, в эту минуту, затерянный в толпе напуганных, радостно приветствующих космонавта людей, только он сохранял полное спокойствие. Даже шутил:

— Я не боюсь согреть в плотных слюях человеческой толпы...

Пример кипучего оптимизма, мужества, партийной принципиальности в большом и малом, работоспособности, удивительной даме в среде таких труженников, как космонавты, оставил он как свое духовное завещание нашему комсомолу.

Это известие потрясло мир. 27 марта 1968 года в результате катастрофы при выполнении тренировочного полета на самолете трагически погиб первый в мире покоритель космоса, прославленный летчик-космонавт СССР, член КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза полковник Гагарин Юрий Алексеевич.

В этой авиационной катастрофе погиб командир авиационной части, член КПСС, Герой Советского Союза инженер-полковник Сергей Владимирович Сергеевич.

ЗЕМЛЯ, ПОКЛОНИСЬ ЧЕЛОВЕКУ!

Отрывок из поэмы

...Радио пишет его портрет:

«Широкоплечий...»

Щупаю плечи.

«Молод... курнос...»

«Двадцать семь лет...»

Ровесник!

Но разве от этого легче.

«Учился в ремесленном

на «отлично»...»

Я ведь тоже был в форме «РУ»!

«Жил на Речной...»

А я на Арычной!

«Честен, правдив...»

А я разве

вру!

«Любит книги и оперетту...»

А я и то, и немного —

другое!

«Он не курит...»

И я сигарету

Торопливо топчу ногою.

Я центральный защитник

в футболе,

Но могу послужить

в нападении,

Я с улыбкой

любые боли

Выношу,

От любых падений.

Я отличник по математике,

Заявляю — силен в астрономии,

В общем,

знаю до чертовой матери.

Не откажешь

и в остроумии.

И в вечерней

даю уроки,

На любой отвечу вопрос,

И добавок

в плечах широкий,

Невысок,

И вообще — курнос,

Словом, я подошел бы

к делу,

Я бы выдержал

центрифугу,

И мое молодое тело

Вдоль Земли

описало бы

круг.

Ну, примите же

Заявление,

Я согласен,

Могу вторым.

Если надо —

Именем Ленина

Этот подвиг

Мы повторим!..

О, таких

Молодых, зеленых,

Коренастых,

Слегка курносых

На моей земле —

миллионы!

Как подумаешь —

Выше ростом

Станешь.

Сильные и горячие,

Дорогие мои ровесники,

Вы все те же —

В море не прячете

Свое тело.

Как буревестники,

Вы смелее

с каждым годом.

Дорогие мои ребята,

Неужели с таким народом

Океан

не осилит —

пятый!

Принимаем

Твое заявление.

Неизвестный,

Один из многих.

Знаем,

Верим —

С именем Ленина

Ты пройдешь

по любой дороге.

Если надо Земле

и Родине,

Если надо

Всему человечеству!..

Над могилами — куст смородины,

Словно память сутулится

вечная...

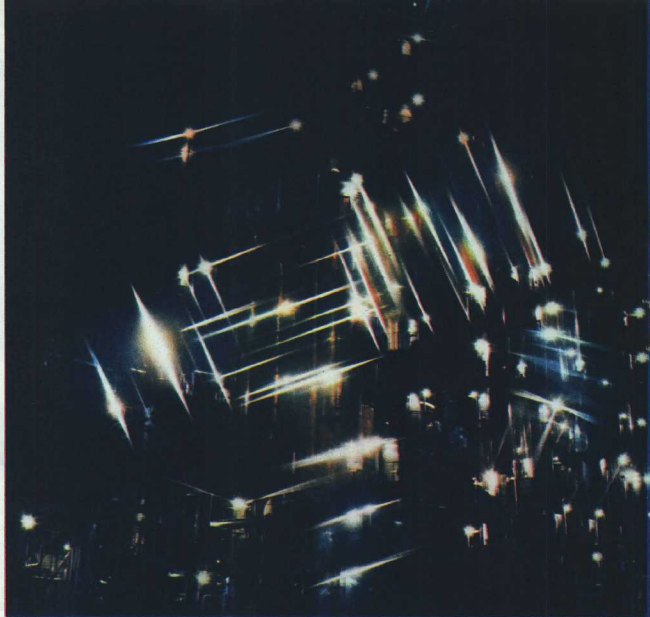
Олжас СҮЛЕЙМЕНОВ

**ПЛАЦДАРМЫ
КОМСОМОЛЬСКОЙ
СЛАВЫ**

Пять этюдov
о юном городе.
О городе,
прославленном двумя
гигантами
нефтехимии.
О городе,
построенном
руками молодежи —
для молодежи.
Имя города —
НОВОПОЛОЦК.
Возраст — 10 лет.
Средний возраст
жителей — 26 лет.

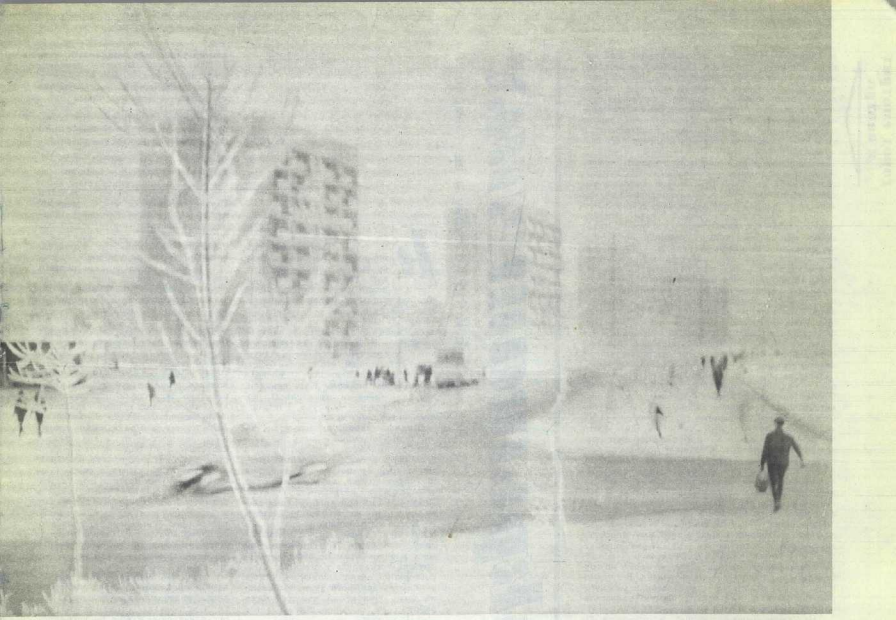
В дни, когда в город приехали корреспонденты «Смены» Тамара Илатовская, Валентина Бианки и фотореспондент Виктор Саки, здесь произошло важное и радостное событие. Был получен первый белорусский полиэтйлен.

ЦИ ВЛКСМ, поздравляя молодежь Всесоюзной ударной комсомольской стройки — Полоцкого химического комбината — с завершением строительства и вводом в эксплуатацию технологического комплекса первой очереди, пожелал полочанам новых успехов. Центральный Комитет ВЛКСМ выразил твердую уверенность, что в юбилейном году Ленинского комсомола труженики молодого города добьются больших трудовых побед в выполнении планов третьего года пятилетки и достойной встрече 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

ГОРОД СМО

ТРИТ В ЗАБЫТРА

Пород спал под дождем, весь черный, в распылчатом свете фонарей. В огромных стелках недостроенных зданий ялавно мерцала ночь. Широкую площадь с уютной гостиницей он гостеприимно выставил вперед.

Проснулся город весь синий, исчерченный замедленными ватками. По улицам, как по кату, со смехом раскатывались рабатишки. Это был очень молодой, ло-мальчишески неуклюжий и симпатичный город, весь в рубашках красного орнамента.

Венером заронили огни. Они краснели в окнах, как угли, излучая домашнее тепло. Лес отграбл их от горизонта, не давая раскраснеть по окраженным снежным полям.

...По протокам, тихой Полоти, глухими лесами пробирались славяне-кривичи к стальному городу у Давни. Губили избы, ялили кожи, ковали кольчуги, торговали с соседями — по протоочным дорогам на Ригу, Киев и Черное море. Проходили года, закатывались десятилетия. Вставали храмы над обрывами, и ветер с лясного Задания насквозь продувал ладенные приклады, и пахло елью, и лики Нарукотарного сласа глядела печально и сострадаленно.

Вена ушли. Но истории было уютно еще раз, десять столетий спустя, вернуться сюда, как будто только затем, чтобы сравнить несладкое становление стального Полоцка с вулканическим появлением его меньшого брата. Мощный рскат это-

хи прокатился над ним, когда крекинговыми колоннами, симфонией труб и платформингов поднялся на Давне нефтеперерабатывающий гигант. Крупнейший в Союзе, крупнейший в Европе. И у него под боком в спешке, опаздывая, догнавая завод, начал рождаться город. Он рождался как рабочий поселок — плоть от плоти завода, кров для его рабские. А когда плечом к плечу с заводом развернулся исполнский химический комбинат, архитекторы стали опаздывать с чертежами, планировки сбились со счета. И ясно было — быть большому городу. И надле ему по Давне на встречу древнему Полоцку и смешивать свои улицы с его старыми топоями и проулками.

Два гиганта индустрии рошили судьбу огромных пространств — собирали людей, поручили им работу, сделали из них химиков и нефтяников, дали им кров, построили школы для их детей. И все это совершили в одно десятилетие.

Как все его юные собраты, едва нарождавшись, повспили Новолоцк украсится красивыми именами, которые как бы скрадывали рытвины только что проложенных дорог, наивно яляюватость витрины, пустоватую просторность прилавок: «Восход», «Мечта», «Комета», «Юность».

«Самыми модными в этом сезоне будут оранжевые, желтые тона, все оттенки розового, красный, изумрудный...» — сообщала модельера самого большого и единственного атале «Иювонкам». Это, наверное, очень подхожиде для нового города: оранжевое солнце, оранжевые люды.

В городской газете объявлении:

«На корте нефтеперерабатывающего завода открылись игры на приз «Золотая шайба».

«27 января получен первый кондиционный этилен! В смене его», заступившей в 12 часов ночи, никто не отходил от приборов. В шесть утра, на восьмом цикле, фотоматрограф вычертил долгоджданый пик 99,999!».

«Объявляет прием детская балетная студия при Дворце культуры нефтяников».

«Вчера состоялось очередное заседание клуба «Гремид». Аспирант Института кибернетики Академии наук БССР С. Аркадзея интересно рассказал членам клуба о настоящем и будущем кибернетики».

В хозяйственном магазине, что вместе с обурными втиснулся под гору ду вывеску «Комета» и соперничает своими торшерами и рефлекторами с лучистым блеском парижских турфев, самый дефицитный товар — детское горшки. В Новолоцке самая высокая в Белоруссии рождаемость.

Детишки любят рождаться по ночам, когда город спит крепко и легко, как набегавший за день подросток. И вместе с детишками, изорвав в ключи первую морозную ночь, смета тишину и сон, перед рассветом с четвертого на пятые февраля родился первый белорусский полкитлен. Он шмыкался в нетерпеливые ладоны первыми тамными лепехами, мягко сдвывая под промсленными пальцами и полз дальше, самодовольно-равнодушный и к радостным крикам и к мяг-

ним шпелкам, которыми люди, идущие этой минуты долгие-долгие месяцы, ласково награждали матовые, деловито урчащие трубы. На рассвете весть о политизации с первым автобусом ворвалась в город. К девяти утра в городе уже был шум, юм, у дамской гостиницы, на окне в ресторане, в заковке нефтеперерабатывающего завода матово белели гранилы ночного политизана. В этот день Новополюск как был популар аттестат зрелости.

— Наш комбинат смело можно назвать комсомольско-молодежным», — сказала директор химического комбината Елизавета Ивановна Траскова, вальсонский, пышно одетый, предупредительный, как все очень занятые и очень деловые люди. — Как нам охотно идет активная, технически грамотная молодежь. Сами посудите, знаете ли, 20 процентов комбината сейчас мы пускаем в первую очередь политизане, затем с семидесятью пойдет нитрон, потом вторая очередь политизане, полистирол. И все это в огромных, еще непривычных количествах. По нитрону — это отливочное для искусственной шерсти — мы будем, пожалуй, монополистами. Производство политизане в стране с нашим комбинатом увеличится на 25 процентов. Мне кажется, самое важное для 20 процентов комбината — интересная работа и ощущение перспективы, чтобы все время чувствовать профессиональное напряжение, потребность «тянуться», развиваться дальше.

Вот отрывки из репорта правдивости: пущена первая очередь комбината; сборного железобетона уложено 75 тысяч кубометров, монолитного бетона — около 40 тысяч кубометров, технологического трубопровода — 1500 километров. Вот что потребовалось всадить в эту пущу, чтобы о нем с гордостью сообщила первая полоса «Правды». Особенно потрачено полторы тысячи километров труб — для теплопровода и обратки! Они мерцали серебристо и хлородно, как питоны, напряженно краснели артерии, восстанавливали тревожную желтизну, как таблички у цеховых входов. «Посторонним вход запрещен, Варьюсолюск!».

Политизан аккуратнейшими мешками заполняет упавший чех. Долго ему здесь не задержится с интересом Белогору, с Прыблатки, Российской Федерации. Нет сейчас современного производства, которому не требовались бы изделия из политизане. В промышленном отделе завода и в магазине для населения: «Нельзя ли заказать партию политизане Какая марка! Когда?».

— На улицах было прозрачно и солнечно. От людей и проталин исходило тепло, так весенней. И от влажного этого запаха и сильного света весело кружилась голова. Здесь, среди спешащих на работу новополюскан, было особенно заметно, как они смеются, — редко-редко, но дескать одно, мильево пошлое, в морщине лица. В Новополюске 34 тысячи жителей, а пенсионеров немногим больше тысяч. Естественно, что средний возраст колеблется где-то между двадцатью шестью — двадцатью семью годами. В промышленности и строительстве города зарплата около 13 тысяч человек. Комсомольцев в Новополюске — 6 тысяч. Если учесть, что все самые активные среди комсомольцев работают в промышленности, то студенты — движущие пружины, что определяют стремительный, упругий городской ритм, четкий, как у новогоного, отаженного мезанса.

Город живет как молодежь, очень заросшее существо, у которого вперед все ясно и есть куда шагать, за что биться, есть юношеская уверенность, в своих силах и беспредельности горизонтов. К семидесяти годам в Новополюске уже 50 тысяч. Им построит за пятилетку 9 600 квартир. Еще через десятилетие город вырастет до 120 тысяч и сольется с Полочком. Детские сады, повзрослевшие. Бассейны, спортивные площадки, торговые центры, скоростные трамваи в промышленной зоне — все это будет, запланировано, финансировано. Ясно, какой повышенный тонус дышит такая рыночка. Все вперед, по плану, не предаваясь.

«Люблю наш Новополюск, юный и потянувшийся городу», — пишет молодой новополюскан Николай Сазанович. — Когда идешь по Молодежному, нестерпимо отрываешь взгляд от проспекта и от проспекта. Огни города — это его душа. Мой город не видел ужасов войны. Не довелось и мне испытать их. Это счастье мое и города. Лес и дома сошли и мрут Баргата. Давно, давно, собит тех, что приходит к нему без топора... Выходя на лесу, я всегда мысленно обращаюсь к городу, как к своему сверстнику: «Здравствуй, мой город!»

Новополюск

Рассказ про Катю Казанову и ее товарищей

очень, можно было остаться в Мадриде. И как отец и мать, как братья, всю жизнь ваяли лес и, возмущаясь дождом по вечерам, гадая лобастые геологов и химиковых липками, пахнувшими смолой заводками. Гудя всегда в смоле — без этого нет лесоруба. Она бы, пожалуй, осталась, если бы не смутное девичье ожидание необычного. Не ожидание даже, а предчувствие. Это предчувствие горело ей, что счастье будет, но не здесь, в Мадриде. И когда в Тихвинском районе Катя сказала, что идет работать на строительство дороги Канаш — Воркута, показала — вот он и есть!

Шпалы, гравий, стальные крепления, шпалонобойки — метр за метром, за километром километр. Два года, хоть и тяжелые, прошли незаметно. Дорогу построили, а жизнь не определялась, не удовлетворяла полностью потребность счастья. Девчата на их бригадах чужды были, душили на Абакан — Тайшет. А Катя с подружкой поехала в Минск — поступить в технологический техникум. Приехала, в Минск не обещали не обещали. Подружка устроилась в текстиль. А Катя, растерянно потыкавшись тут-то-сюда в новых департаментов, пришла на доску объявлений, что требуются рабочие на большое строительство по Полочку. В объявлении строительной подстанции ее подобрал знойный подполковник с буйной рыжей шевелюрой. Поднявшая рыжие комочки, круто авторозничая: «Ню! Приехали». Катя вынырнула на душной забавной на теплую ноц вечер землю, прямо пахнувшую удивительной Дивой. В лицо пахнуло водой с Дивны, показало, что пахнет дальше, с горюватым лесом. От растертого в ритме рыжого комочка осталась во рту теплой мужиный вкус. И Катя решила остаться, еще не ожидая и вера в счастье и есть уже настоящее счастье.

Насмелившаяся, бойкая британка усмехнулась, рассмеявшись: Катю: «Ну и цыплет набирало! Но не деломинишас? Катя действительно казалась слепком беззвонкой и хрупкой средой, которую не было ни ожидания, ни вера в счастье и есть уже настоящее счастье. Насмелившаяся, бойкая британка усмехнулась, рассмеявшись: Катю: «Ну и цыплет набирало! Но не деломинишас? Катя действительно казалась слепком беззвонкой и хрупкой средой, которую не было ни ожидания, ни вера в счастье и есть уже настоящее счастье. Насмелившаяся, бойкая британка усмехнулась, рассмеявшись: Катю: «Ну и цыплет набирало! Но не деломинишас? Катя действительно казалась слепком беззвонкой и хрупкой средой, которую не было ни ожидания, ни вера в счастье и есть уже настоящее счастье.

актер у нее был напористый, твердый и деловой. И, пока деловичи крутили бигуди, уткнувши лобом да носом на вечеринку, она потыкала язык в слезах на девятый класс. Время было нехлесткое: зарядила дождя. И без того болотистое Придвинье буквально разверзлось под сапожками. Работы на трассе выключили деловичи на грили — вынул, хоть палец. Столовую — крыша да длинный стол на козлах — пришлось загрузить. Но не дожидаясь дождя, лил дождь косяк лил прямо в тарелки. Шуты и веселье стало мышь: устала, сменяли построить общепит. Неудачно было по такой распущенности каждый день тапиться в окрестные деревни, где строители сигналы неслие комнаты. В ноябре, когда заглохли первые, еще морозы — системы, построила двенадцать общепитов. Были все это заснушки, и девчата фирмировали их шпалком и лобовало и ассекутивом. И устроили с семидесятью правднику. Но правда, это был праздник, когда по первому снежку, но талым лужам потыкали тоненькие комочки снега и обещания счастья. Сразу стало как-то дружнее, привольнее, даже пахнуло домом. Основательно загрустила первые парочки на трассе, и в первую очередь Катя куталась в пальтишко, смотря на морщинистое от влаги звездочка, ладилась с надоевшим предчувствием: вот-вот начнется город, стройка скатится, налетит силой — не останется. Они пришли сюда, и звезда раскраснела перед ними тихой и желтизной. Катя не могла не думать и они выдвинули ее экскаваторами, разгадали бульдозерами, расчистили фундаментации. И девчата вроде Катю, устроились в общепит, в очень высокий, скимной, среди лесов. Катя прикинула, что без кранов такому городу не обойтись. И ноябрь на трассе чужды были, Катя не могла, подталкивая ее судьбу. И Катя чувствовала: стоит зажаться, остановиться — и уже не догонишь. Не преминул сказать попольской: «Вот здесь работает наша Катя!» и помахнул ей рукой. И чем выше будет кран, тем громче крикнут они: «Гудь наша Катя!».

Перед августом красавицкой направили на практику в Минск. В Минске Катя зашла в подругу, той, что осталась у текстиль и поступила в техникум. В уютной уютной комнате Катя рассказывала о своем городе, что прорабился сейчас полево болота, еловые лапы, пропавшие оны. Но стоило ей бегать Дивны, где они пахнут дымом, про первый кран, привезенный медведем, и той же вечеринке с интеллектно и протыкательными. Но стоило ей бегать Дивны, где они пахнут дымом, про первый кран, привезенный медведем, и той же вечеринке с интеллектно и протыкательными. Но стоило ей бегать Дивны, где они пахнут дымом, про первый кран, привезенный медведем, и той же вечеринке с интеллектно и протыкательными.

Поднявшись впервые на кран, Катя устроила ревизию городу. Да, он был еще не совсем из разрушения, но настоящих котельная — рядом уже Дивны, лес. Баян, юная столовая (старую отдали под клуб), не-

Инженер-экономист Галя Сногова работает на производстве олефинов, один из важнейших участков комбината.

Операторская — сердце цеха.

Город созоится
в завтра

Долгожданные гранулы первого белорусского полистилена.

Здесь получают чистейший этилен.

О делах комсомола в Могилевской области

Диалог с Владимиром Павловым, жителем Новополюцка

Возьмите представить моего собеседника: комсомолец Владимир Павлов, инженер-технолог Новополюцкого химического комбината. Он родился и вырос в Старой Руссе, высшее образование получил в Ленинградском технологическом институте.

Новополюцку Володя ровесник не в том, привычком для нас смеемся, что, мол, возраст его совпадает с возрастом города: город на Заводской Дамбе в два с половиною раза моложе Владимира. Нет, тут совпадение возрастов другое. Так сказать, стихийное. Дело в том, что средний возраст новополючан составляет сегодня 26 лет. И Павлову как раз двадцать шесть. В этом плане его можно назвать ровесником Новополюцка с полными основаниями.

Мы часто жалуемся на затнувшееся, на «такое долгое детство». И правда, зрелость подчас поздно приходит к молодым. Но заметьте: там, где труд железен бегает энергично, где размах, где невозможно медлитель, человек рано обретает самостоятельность. Оставив ставшие уже привычными примеры, связанные с войной. Мы знаем, что Гайдар в 16 командовал полком, и привычки приспосабливать подобные факты далекой от нас эпохе.

Но вот Павлов. Он всего три года как получил диплом, а уже командует сегодня одним из важнейших «подразделений» огромного химического комбината — он начальник ремонтного участка производства смол-финов. Павлов обеспечивает здесь вместе с четырьмя десятками своих подчиненных бесперебойную работу сложной современной техники. Пав-

лов — член комитета АКСМБ своего предприятия, активный комсомольский работник. И многие сверстники Володы занимают ключевые, командные позиции; никого не удаляет, например, что заместитель главного инженера на том же комбинате — комсомолец.

Словом, ровесники Владимира Павлова уже твердо стоят на ногах. Они не просто исполнители — многие из них сами отвечают за других, за большие дела.

Итак, диалог с Павловым.

СПЕЦКОР. У каждого коллектива, как и у человека, есть свой неповторимый, отличный от других облик. Сложился ли уже облик комсомольской организации Новополюцка? ПАВЛОВ. Можно сказать, что городская комсомольская организация только формируется. Она существует всего два года. Пожалуй, формирование происходит прямо на наших глазах.

СПЕЦКОР. А все-таки: заметны ли уже какие-либо специфические черты организации?

ПАВЛОВ. Да. Процесс формирования идет очень быстро. Нужно представить: за десять лет (городскими жителями мы всего два года, предыдущие восемь Новополюцки считали поселком) на пустом месте вырос современный город. Приехали люди чуть ли не двести тысяч новополючан. Стали строить. Новополюцки родился ради Большой Химии. И это во многом — почти во всем! — определяло, во-первых, характер самого города, а во-вторых, черты нашей комсомольской организации...

Здесь журналист позволяет себе небольшое лирическое отступление.

Оно, может быть, чуть замедлит развитие мысли Володи Павлова, но с другой стороны — придает ей объемность, которой отчасти нас развозор, и в самом деле имевший множество отступлений.

Лирическое отступление: ЛЕС

Новополюск стоит среди леса. Справа — чаща, и слева — чаща. Проексия — провадо. Они бегут из города к заводам. Заводы отделили от земли почти десятилетиемозерной зеленой колизеей. Автобус везет рабочих к производству минут пятнадцати, но если осенним днем выйти на обочину заводу, с корнями и завесами растений, — белым и желтым, говорят, не сбоят.

За грибами, однако, ходят в другую сторону, к дереву, и уж там. А летом — в поле. А зимой — в лес. И грусть берет, когда переключишься взглядом с правого горизонта на левый. Ведь между ними микрогоризонт — сплошь минерализованный и окисленный крой, но только зелени-то мало. Тоненькие, жалкие прутики.

— Ох, и рубили! Какое же счастье теперь не пережить! А не рубили. Здесь огорода были да деревья мелкие.

Первый секретарь Новополюского горкома АКМСВ Анатолий Федотов окончила Ленинградскую лесотехническую академию. Его специальность — озеленять города. Как пришла, сразу же взялась за деревья, подумала, что построена была, энергично комсомольского вожака. Нету в городе комсомола без папа в колышку.

И уже тогда, как названы ребятами в первом микрорайоне, стали большими. Заложена парк имени Юлианы Октябре: свыше трех тысяч саженцев сосны. Были скотелки: «Сосна не приживается». Некоторые утверждали, что «приживается... но только сказать надо, товарищ, ночью!» Но саженцы, минуя прамыту, «что нукае» — брали деревца с комом мерзлой земли и пересаживали в парк. Прижились!

Новые дома встали прямо в лес. Рубить их в каком случае не продолжают, «Ну, не продолжат», — говорила мне Федотов рассудительно, — а все бывает. Бульдозерист поменяется объектом — раз! Сосны истреблены! Придется приглядывать. И то сказать, бульдозеристы-то все наши, найдем обшарки земли», — спокойно добавляет он.

ПАВЛОВ. Так вот, я уже говорил, что походу даюет у нас Большая Химия. Даа гнида дала Новополюск жизнь — нефтьпереработочный завод и химической комбинат. Производство современное, на уровне века. Одним словом, мировой стандарт. И такое производство, конечно, предъявляет людям весьма конкретные требования.

СПЕЦКОР. А именно? ПАВЛОВ. Обязательные серьезные знания и высокая уровень организованности. Технически неуклюжину и расслабленному человеку к химии на инженерный вострел подходить нельзя. Требования, так сказать, профессиональные. И люди формируются в заданном направлении.

СПЕЦКОР. Это очень существенный фактор.

ПАВЛОВ. У меня на участие сорок человек. Все почти молодые. Меньше восьмидесяти лет у кого нет. Свариво, например, чтобы справиться с работой, нужно иметь за плечами технику. Самым, образовательный пезиз очень высокий. Так же высок должен быть и уровень ответственности. Каж-

дый химик понимает: небрежный шаг может стоить дорого. Аврара, к примеру, не прилагала бы дисциплины.

На производств, подобных нашему, иной раз видишь жалает: «За чужое дело не берись!» И правнимо. Химия не терпит суеты, безответственности. У меня на участие за последние годы не было ни одного случая нарушения трудовой дисциплины. Это норма.

СПЕЦКОР. Но, вероятно, люди не могут жить одной нормой на производств, а другой — в общественной жизни.

ПАВЛОВ. Замечание верное. Я бы сказала: комсомольский активист должен в наших условиях работать на человека, то есть заниматься вещами конструктивными. На одно ораторское искусство далеко не выведешь!

Лирическое отступление: ДВЕ МИНУТЫ

Знакомство корреспондентов с «Семью» с Новополюским горкомом комсомола началось с небольшой записки. В воскресенье Анатолий Федотов позвонил в редакции, где мы остановились, и сказал, что просит выйти в город завтра к девяти: каждая утро по понедельникам у них плавание, а именно уезжает весь актив сразу.

В город мы пришли в девять volle две — и планера уже две минуты как шла. Пришлось извиниться за опоздание.

Журналист, которого знакомит с работой той или иной организации, должен показать кипу отчетов о «массовых мероприятиях». Однако иной раз малый штрих может передать о существе дела глубже, чем множество «броских» фактов.

В данном случае такой штрих был одно — точность. Точность есть внешне, но безличное проявление деятельности. Уровень же деятельности стал, по-моему, сегодня самым важным критерием оценки комсомольской работы.

— Вы всегда точно начинаете? — спросил мы Федотова.

А как же иначе? Очевидно часто бывает именно «наше». Проходят начало бюро или собрания пятнадцать минут, полчаса, а то и весь час — явление заурядное. Иными же такой расслабленности приемы. Но, работая всерьез, все больше внимания начинают уделять тому, что прежде считалось «мелочами»: из одной минуты не терять яра, не застывать себя ждать. Это, естественно, ведет за собой другие акценты: сказал — сделал; для задание — проверь выполнение его; принял решение — добейся его реализации.

Федотов мне сказал то же почти, что и Володя Павлов, только другими словами: «Главное — заниматься конкретным делом. Бегитесь — и до конца нести». Смысл этой образной фразы расшифровывает дальнейший рассказ секретаря о проблемах, которые могут показаться не существенными только тому, кто возм не владеет никакой организаторской работой.

Среди многих подробностей выдвигались две наиболее существенные вещи: умение выладать дисциплину и упорный курс на четкую проверку исполнения. Грустный, вообще-то несополнительный Федотов, видя интерес к вопросам, которые чрезвычайно занимают его самого, на этот раз разговорился. Говорил он примерно вот что: «...Слова типа «не могу», «не хочу», «не сделал» в городе выдвигались. Иной раз новенький сопелся на трудности производства, скажет, например: «У нас пуск!»

Но в городе чуть ли не каждый день — пуск. Смысл таких с самого начала не прилагала бы дисциплины, и все уже привыкли. Ну, а поручение выполнить надо обязательно, потому что будет контроль. И в большинстве и в малом деле. Первое, например, с чего мы начинаем: каждая своя племени — докладываем, как выполняем решения предыдущего пленума.

— И конференция так же начинается?

— На конференции по-другому. Недавно мы проводили вторую городскую. Перед ходили в зал вывески большой вывески лист. На нем перечислены решения первой конференции. Итого проверки выполнения. Сразу стала видна картина...

— Наверное, все было выложено? — Не все. Занесли «Слово музея Новополюской городской организации». Материалов, правда, мы собрали, а вот помещения добиться не удалось. Нам делегаты доверено критиковали!

Деловитость — антипод проектерства. Человек деловой в обаяках выдвигать сам не будет и другому не позволит. В городе ребята бегутся за дела самые разные, в том числе и неэкономичные, но безусловно практические, рабочие, как говорит Володя Павлов, «на человека». Пример: «Когда мы пускали новую опытную установку (это тоже Федотов рассказывает), монтажники не уходили а объекта иной раз сутками. Их жены пуская тоже. Они нас, комсомольский штаб, обязали: добейтесь, чтобы детишки в ислах могли оставаться круглосуточно! Горком этим серьезно занимался. И добились».

ПАВЛОВ. В общем, если вместе сметь можно факты и посмотреть на них трезво, то можно, я думаю, сделать вывод: несмотря на все просе-

ды, мы беремся решать главные задачи и решаем их. У нас на комбинате, в частности, комсомольцами тоже занимались выжвешими. Ждем однако: получить поздравления!

СПЕЦКОР. Тут важно заглянуть в будущее. Будет, что в обмен картина придет для гала. Отлично подобрало руководство; все звеня производства сцеплены, как надо; план выкладывается, на комсомольца падает отблеск общей славы, а сами они за кулисами...

ПАВЛОВ. Пожалуй, это не про нас. Первый-то «бланк» поздравления оказался не у кого-нибудь а в руках — у Чкалова, нашего секретаря комитета Газов? Или это деталь сама за себя не говорит?

Лирическое отступление: ПОЛИЭТИЛЕН

О, что было в этот день! О полиэтилене говорили везоуд. И везоуд — в цехах, в служебных кабинетах, даже за ресторанными столиками — рассматривали, грея в ладонях, белые гранулы, похожие на крошечные резиновые пластины, чуть сложенные с комочков. Впрочем, гранулы повизжились позже, наавтра, — вначале полиэтилен пошла не гранулами, а толстыми плоскими пластинами.

А завтра же в городе шла био-ро. Валерий Чкалов, войдя, вынул из-за пазухи и перемал секретарю овалыный блин полиэтилена. Первый! Тот, наверно, самый, о котором упомянул Павлов. Он пошел из рук в руки.

А потом был пуск в комсомол. Завдавал ребятами, как положено, вопросы по Уставу, по международному положению. Выступающие были из техникумов училищ, первогодки, седьме, с ответами мадам, товарища Сергей Шкентик даже перешел Шарая де Голая с Гароалом Вильсоном. Тогда

На второй комсомольской конференции.

году секретаря в августе

одни из членов бюро сказал ему: «Газеты надо внимательней читать. А вот скажи-ка, какая у нас в городе сегодня погода номер раз?»

— Включай телевизор, пожалуйста! Вышла замком. Не стало удари и смущения. По-моему, Шекстиде же обидели: поудайте, его заподозрили в том, что он в курсе, когда все в курсе! Вес Новополюк в курсе! И вправду, ни одного человека велья было в эти дни найты, который не знаа бы, что льва ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ПОЛИТАВАН!

СПЕЦКОР. Ты уже говори о том, что комсомо берет решать судственные, главные задачи. Кроме проблем производственных, что еще имелось в виду?

ПАВЛОВ. Сейчас скажу. Но перед тем, как говорить, я говорю о промеху. Вот один город наш прекрасный. О нем скажу: расположено здесь житье иже жизнь. Уже врос тут в почву — женился, квартиру получил, ма му из Старой Руссы вынул... На вещи смотрю трезво. Вижу, что рождался Новополюк неправнимо. Проектируя его, сделали громадные улучшения. Развивали сначала производство, вовсе не думая о культуре. Возможность, например, посмотреть спектакля появилась у новополючан только сейчас, на десном году...

СПЕЦКОР. Да, но речь шла о промехах в работе комсомла. Ты же говоришь о вещах, которые решаются в этих заведениях.

ПАВЛОВ. Комсомла, мне кажется, вполне созрел, чтобы взять на решение таких вопросов. Тем более, что члены Новополюкской постановки много новые горола.

А теперь о более конкретных вещах. Молодые люди хотят сделать Новополюк по-настоящему культурным. И, честно говоря, им кое-что удается. Я говорю чьм, потому что я ведь приехал сюда недавно. При-

екал — и сразу обратил внимание на порядок в городе...

Лирическое отступление:

ТИШИНА

Новополюк среди прочих особенностей и вправду отличается порядком. Нет, зимко леа на тротуарах не сколоа и ауж среди мостовой хвзает. Речь о другом. О том, что в городе действительно образован, если употребить стандартный термин, коллективный порядок. Вечером на улице уже не уловит непараметричного выражения. А здесь ведь тридцать тысяч жителей с аинком, и городу всемо десять лет, и народа в нем приезжий, из разных мест, с разными привычками...

Как же добился молодой белорусский город такой спокойной и какой-то веселой тишины, такой гармоничной для него, стоящего в окружении тихих и светлых лесов?

Мы говорим с Павловым об атмосфере, сложившейся в его городе. Раскрыть механизм создания атмосферы всегда сложно. Атмосфера — это нечто трудноуловимое. В любом коллективе — будь то семья, учреждение или целый город — она создается под влиянием самых разнообразных факторов, «работавших» притом в разнообразных, порою контрастных направлениях. Все же мы с Владимиром пробуем определить, вычлнить из общей совокупности новополюкской жизни те молекулы, что ли, или элементы атмосферы, которые непосредственно возникают под влиянием комсомла; говорим о том, что делается в Новополюке в рамках горкома АККСМ, его актива...

Но сначала любопытная запись в моем блокноте.

Из стенограммы заседания бюро ГК АККСМ от 6 февраля 1968 г.

ДВОРНИКОВ С. Вам, ребята, известно, что переход на пятидневку у нас в основном завершился. Я, готовя доклад, вспоминаю майских Маркса. Он писал, что наступит время, когда мерилом богатства будет не рабочее, а свободное время. Такое время водохит. Мы стали богаче на пролах 32 свободных дни а году! Надо позаботиться теперь, чтобы люди тратили его с пользой, толково.

Давние в моем блокноте помечено: «Плеура». Пару случалась из-за того, что Дворников, обурывавшись а стене, прилеплял а бы график. На графике были нарисованы кривые линии уази, и контуры живописных построек желто-красно-синие-зеленые кандратикам домов... Внизу стоял обозначения: красное — сфера действия строителей, зеленое — химик, черное — ГЭЦ.

ДВОРНИКОВ (в раздумье). Предлагаем закрепить каждый дом, какую-то улицу за конкретной комсомольской организацией. Создать комсомольские штабы по месту жительства.

ГОЛОС С МЕСТА. Основные задачи вотбы!

ДВОРНИКОВ. Надады дела спортивные. Пропагандистскую, культурную работу. Помочь школьникам и подросткам интересно проводить время. Заняться струнами ребятами. Войти в контакт с семьей, школой, двором ивовор...

И. МАЛЯКЕВ. Я считаю, что важно подвигать другие организации — школу, например, на жилищитору. Зачем дублировать?

А. ФЕДОТОВ. Зачем посту гармонично и чето — коммуналки? Допускаю, ление что деллет? Занимается кой-а. В городе полно всех тысяч! Ребята дело ашу — комитет, феодалы утунуа, подворные группы все сделали. Воеисидеы стацная мужие: в Ригу путешествовать собрался.

К ним внимание ежечасное нужно. Во все, кстати, сезоны. Без капилку. Нужны штабы!

Кита КАЗАКОВА. Проблема ясна. Разработаем четкую программу действий.

СПЕЦКОР. Ты был вчера на этом заседании, Володя!

ПАВЛОВ. Я ведь не член бюро. Но Чкалов нам уже все сообщил. Обсуждали. Знаем свою зону.

СПЕЦКОР. А постановка вопроса для нас была неодназначна?

ПАВЛОВ. Нет. Я бы сказал, что все это лежит, в сущности, в главном русле работы горкома. Основные направления и равние были те же: шефство над школой, над уацанам, спорт. Сейчас координируем свои усилия.

Мы продолжаем с Павловым. Я Володя даже вчераше тутю со временем. Его дочери вет и уади: она гретуб внимания. И он уходит — человек, вшедший в Новополюк все, что нужно для счастья: семью, и алюбную работу, и тот стрит жизни, который ему по душе.

Даволов человек?
Что ж, пожалуй.

На моем письменном столе лежит газета. В ней напечатаны стихи местного поэта. Я снова пробегаю их глазами.

*Хорошо в уютное жилище
Засверкать, и посылить в легки,
И глядеть, как ласковые лапы
Лижат жадно голые пальцы.
Но ты дщерь откров, и выйдешь
е Ригу.*

*И шагай а свистаеце неустой,
Тьму молчуря раздвигай печалью!*

Завтра я постараюсь познакомиться с этим поэтом. Страшно иногда мыслен приходит а Володю. Почему-то мне кажется, что он должен быть похож на Володю Павлова.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ХРОНИКА

ПО МАТЕРИАЛАМ I И II НОВОПОЛЮКСКИХ ГОРОДСКИХ КОМСОМОЛЬСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Комсомолцы и молодежь юного города Новополюк разпоругут форуму коммунистов: ест новый социалистический город. Ест, гитат нефтехимики — Нефтеперерабатывающий завод!

Трудовая вахта в честь XXIII Съезда КПСС принесла новые трудовые победы: получены первые белорусские смазочные масла, вывезены на режим условия по производству серийной сыпучести.

Делегаты II Новополюкской городской комсомольской конференции (на телеграммах XXIII съезду КПСС)

Пленум ГК комсомла посвящает работе в объединениях. Созданы и активно действуют культурно-бытовые комитеты, ведется формирование «за» звания лучшего объединения города. Большинство объединений благоустроены, имеют красные уголки, планы для самоподготовки, общественные библиотеки, фото- и инновлаборатории... Систематически раз в месяц проводится День объединения. В красный уголок приходит директор предприятия или его заместитель, председатель совета директоров комсомла. На месте решаются назревшие вопросы.

За весну и осень 1967 года руками молодых горожан посажена 31 тысяча деревьев, 170 тысяч кустарников.

На Нефтеперерабатывающем заводе созданы и постоянно действуют кружки по техническим видам спорта (парашютный, авиомотор, радиотелеграфистов), подготовлено за год 28 шефвор-любителей и 16 мотоциклистов. Проведено 50 соревнований по техническим видам спорта.

Молодежный коллектив строительного треста № 16 напелен в «Книгу трудовой славы» ЦК комсомла республики и в «Летопись трудовых дел» ЦК ВЛКСМ. В 1968 году Новополюк исполняется 10 лет. В честь этой даты молодежь треста решила: соберем 100 тонн металлолома и на вырученные средства воздвигнем скульптурную экспозицию в память перестроенной Нефтезавода!

Новополюкская городская комсомольская организация Витебской области Белорусской ССР награждена памятным Красным знаменем за большие успехи по достойной встрече 50-летия Великого Октября.

Валентин Смирнов (в центре), Александр Струж (слева) и Виктор Масальский у своей боевой машины.

О трех танках

Канто на Импелерабатывающий завод приехали танкисты из полковой части. Потенциально послушным, как поют заводские девушки, а потом вручили подарок — манет танка. Катя Казанова, поговариваясь со своими, сизада танкистам: — За подарок, хлопцы, спасибо. Теперь очередь за нами. И началось наступление на железю: всю территорию завода поднимали подступую. Присевшим металлосма знай себе отнимали тонна, факты, пидесит. — Когда перевалило за сотню, Катя успокоилась: будет подарок. Регистровый велес доволно долго. Наконец, в часть и танкистам пришло сообщение: принимайте от заводшца новенький танк. Машину назвали «Белорусский нефтяник». А командиром назначили Вало Смирнова, который работал до армии с Арнадием Козловым на АБТ и был одним из лучших активистов и спортсменов 1-го цеха. Механиком-водителем стал Саша Струж, а навальником орудия — его друг Виктор Масальский (они вместе учились в Новолоцкие училище нефтяников). Сейчас Виктор — комсомольский секретарь подзаземления.

Служить на «Белорусской нефтяник» почетно, служить в нефтяной кадровой части — почетно и выше. На, за знамен — орден, в списках бойцов и командиров было 17 Героев Советского Союза. Да и в мирное время танкисты не меньше гордятся своей воинской доблестью: часть награждена Почетным знаменем ЦК КПСС.

Смерть, страдания, огонь обрушились когда-то фашисты на эту тихую, зеленую землю. Миллионы убитых, сотни сожженных сел, разорванные дети. Оружие стало защитой, местом, рыцарем победы. Его хранили как зеницу ока, добывали в боях. В Полоцке мужею женщина с сухими черными глазами рассказывала, как перед отступлением врага весь Полоцк ушел в леса. Фашистам остались пустые дома. Из Москвы пришел приказ: «Ни один немецкий шагком не должен пройти через Полоцк». В окрестные леса был брошен отряд из 30 человек. Немцы окружили дорогу охраной, построили контур железнодорожной насыпи линии отов. Но шагоны по-прежнему взрывались, не доходя до станции. Тогда фашистское командование бросило в Полоцку карательные отряды. Однако сокрушить партизанское движение уже было немислимо: один бригаде Максима Пуданова насчитывала около 35 тысяч человек.

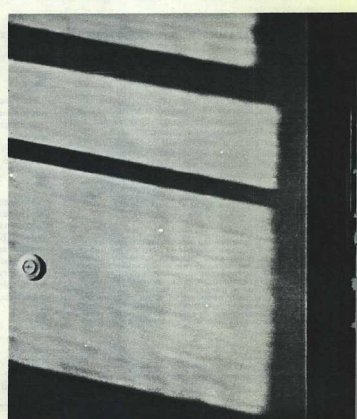
Мы смотрели альбом, составленный восьмилетним 2-й школы. Здесь собраны фотографии героев-партизан. Ребята ведут широкую партизанку, угнетая все немецкие пулеметные снайпсы бойцов. А вот фотографии запечатлели печальные детские лица, склоненные над могилкой Тани Нарченко, отважной партизанской разведчицы, вынесшей звание героя, но не сложившейся и не предавшей. Вот в танке, очевидно, минуты работы взрослому, и где-то в глубине их детских душ прорастают зерна гражданства. Вот выдержки из белорусских партизанских газет: «Во время боя у деревни Кулиши смертью героя погибля 9 бойцов отряда «Дикая Костя», Василию Стабрыцкому прострелили в бою обе ноги, и он не мог уйти от наседящего с трех сторон врага. Стабрыцкий сам застрелил себя. Александрович Андрей и Кириин Николай были окружены францами. Взявшись за руки, они оба подорвались гранатами, не желая немцам попасть в плен. Слава павшим героям!» («Лужинский призыв», 23 февраля 1944 года).

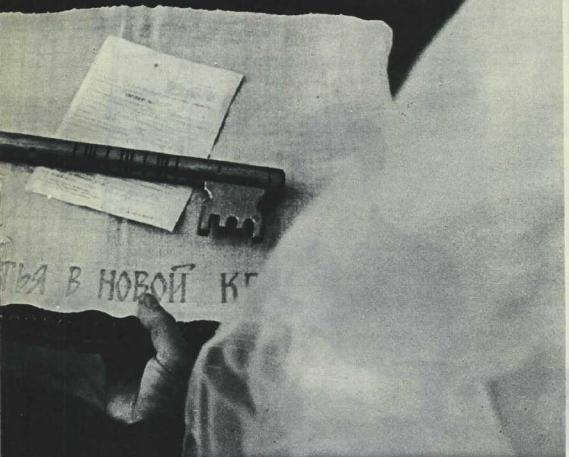
А вот как встречали тогда комсомольцы свой 25-летний юбилей: «Комсомольская организация отряда Харитона Б., включившись в социалистическое соревнование и 25-летие ВЛКСМ, приступила и выполнению обязательств. Наданно группа комсомольцев... во главе со Степаном М. совершила 40 рейсов межовым дорогам...» («Народный мститель», 5 сентября 1943 года).

Газеты радостно сообщали: «Социалистическое соревнование по истреблению врага продолжается. В Полоцке из крутого берега виден как на ладони гарем и здания... всяк недаром там вырос высокий, отослуд алдыной холм. Он срезан руками тех, кто помнит войну. Курган Бессмертия поднимал на этой земле — от немцев. В кургане замурована капсула. Ее вскроют в 2017 году — в год столетия нашего государства. Там наше завещание потомкам: пусть они будут достойны бессмертия героев!»

Мы уезжали из танковой части. По-прежнему у знамени благоговейно риса караулы часовых. По-прежнему мыса, обрабатывали детали современного боя гренады бронебойные машины. Через несложно винту к ним подпочитается и «Белорусский нефтяник». Ребята, честно работавшие на заводе, оказались отличными воинами. Очевидно, это закон: тот, кто хорошо работает для Родины, надежно ее охраняет.

О Полочке

Строители Тамара и Семен Мебеда на этот раз сами в роли новоселов.

Семен и Тамара Мебеда — молодожены и новоселы. Свадьбу им устроили пышную, комсомольскую. И от полноты души вручили ребятам ключи от квартиры: живите уж в полное удовольствие! В молодых городах любят молодоженов. И, надо сказать, новополочине строители довольно успешно опровергают притчу о бедолаге-сапожнике, который всегда без сапог. Квартиры им дают, и они это вполне заслужили. Например, та же чета Мебедов. Где только не побывали в Новополюще молоток и рубанок Семена! И рядом с ним работала, отставая на дом-подмола, кистью

и мастерком Тамара. Тут и девятиэтажки по Молодежной, и детский садиков штук три, и Дворец культуры, и Дом связи... Сами уже сбился со счета, когда что сдавали. Но, увидев готовый уже дом, безошибочно вспоминают: «Вон там, где синие шторы, ок, и помучились мы с рамами!» Имя Тамара: «На втором этаже, нет, справа, где цветы на окне, хорошие обои были — саба бы такие вазал».

Однажды вечером, возвращаясь по Молодежной в гостиницу, мы увидели довольно колоритную картину. У новенького девятиэтажного дома урчали пять или шесть машин, наполненные

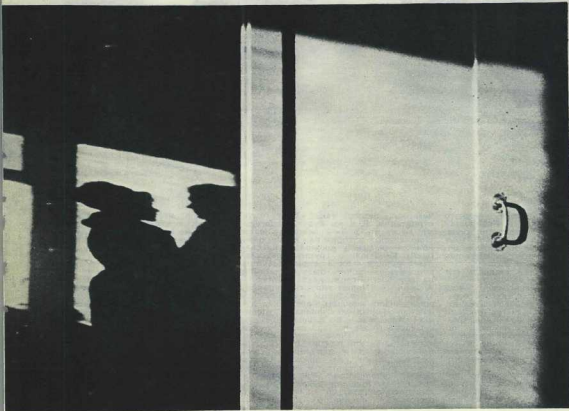
стульями, кадрами с фиксами, детскими кроватками, столами. Из подъезда то и дело высививили разгорюченные новоселы, звали что-либо из пожитков и снова исчезали в дверях. Каждые десять минут подъезжала новая машина. Вес грузовой транспорты, наверно, был мобилизован. Это было горькованное зрелище.

— В новеньком подъезде пахло сырой известковой, масляной краской и смолотистыми досками. За дверями, пока еще совершенно одинаковыми, гулели радостные голоса. Перед нами расплывались еще не прибранные, в улах и чеподанях, живые ячейки дома. Квартира 28. Здесь двое пенсионеров: Эток Василий Андреевич и его жена Валентина Федоровна. Их сын, вооружившись дрелью, вставляет английский замок. Семьи молодого города стремятся к самостоятельности: родители получают квартиру, сын ждет своей очереди. То же самое в квартире 17: мать и бабушка мадестры Вали Заблочной переждуют, она же с мужем и сыном остается на очереди. Город дробится на «простые» семьи: жена, муж, маленькие дети. Взрослые дети стремятся жить по-своему, непременно самостоятельным домом.

Люди празднуют свою самостоятельность, право не приторивляться к соседям по общежитию. Шунякий, лобознательный, иногда невзвличко-общительный мир общежития, где все у всех на виду, порой утомляет людей, снижает культурный их уровень. Зачем покупать книги, если их нагде поставишь? Зачем красивый эстамп, если его нкуда повесишь? Право на личную жизнь и сосредоточенность — великое право. В будущем архитекторы настаивают на формуле $кп + 1^2$, где $кп$ — количество членов семьи, а 1^2 — количество комнат в квартире. Каждому по комнате и одна общая. Но пока нас удовлетворяет и $кп - 1^2$. Женщины испытывают светлую гордость хозяек, выбирая именно те занавески, которые им нравятся, ставя шкэф в тот угол, где он смотрится лучше всего; и радость матери: наконец-то у детинки своя комната.

Домашний уют привлекает к городу, утверждает оседлость. И значит: быть рабочим динамитом, мастером, держать рубанок, быть героям труда и заводским традициям.

Выйдя из дома новоселов, мы увидели, что на его торце громадными буквами написано: «Слава труду!» Наверное, здесь имеется в виду и труд строителей. И то, что успели сделать для новополочан молодые супруги Тамара и Семен Мебеда.

О том, кем хотят быть НОВО- ПОЛО- ЧАНЕ

Давать займемся немного арифметикой. В Новополоцке три школы, в них четыре десятых класса. В трех классах мы попросили ребят ответить письменно, кем они хотят стать и почему.

Из 57 отвечающих 10 написали «не знаю». Очевидно, на самом деле количество неопределившихся еще больше: в трех классах присутствовало тогда около 70 человек. Значит, 13 воздержались от ответа. Вряд ли это было сделано из принципа. Скорее всего они тоже еще не знали, чего хотят.

После этой самой многочисленной группы идут химик (в основном технологи, преобладающая профессия среди интеллигенции Новополоцка); их 9—11 человек (даже еще колеблется). Потом следуют инженер-строители, кораблестроители, самолетостроители — 9—10 человек; но их 4 — будущие строители, при-

чем один пишет так: «Хочу быть строителем. И я им буду». Педагогов хотят стать 3—7 человек (один спонсируется и истории нам изуче, один колеблется между школой и инженерией). Следующую группу представляют моряки — их 6 (одна девушка непременно хочет быть радисткой на корабле). Потом идут геологи — 4, врачи — 3 (один хирург), журналисты — 2, переводчики — 2, летчик гражданской авиации, артиста, художник-оформитель, филолог, машинист тепловоза — по одному.

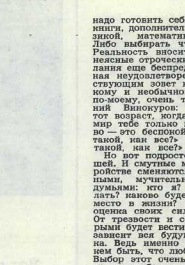
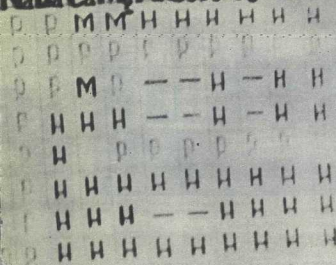
С первого же взгляда не может не броситься в глаза, что назван «интеллектуальной» набор самых распространенных и популярных профессий. Ничто не помешало стать бухгалтером, оператором счетной машины, слесарником. Эти профессии «аномальны», при определении их общественного статуса они получают нечетовые списки. Лу, а лингвист,

этнограф, метранпаж? О возможности такого выбора, очевидно, ребята просто не думали, или же думали о каких других профессиях, менее распространенных и «старческих», чем геология или хирургия.

И второе — абсолютное большинство названных профессий, за исключением разве радистки, машиниста тепловоза и летчика, требует областного ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. Из 37 выпускников по крайней мере 44 хотят продолжить высший барьер вузовских испытаний! Впрочем, может быть, выпуск отот состоит из исключительно сильных ребят и высшего образование для них — необходимая потребность, а вовсе не благожелание?

Я обратился и учителям. Нет, молодые действительности отойти не гении. Есть среди них и тама, кто не успевают по двум-трем предме-

ГОРОД СМОТРИТ
в завтра

надю готовить себя и этому — читать книги, дополнительно заниматься физикой, математикой, астрономией. Либо выбрать что-нибудь попроще. Реальность впитать своим поведением, а неясные оторванные вещи, когда желания еще беспредельны, когда случайная неудовлетворенность всем существующим ведет к чему-то героическому и необычному. Это состояние, по-моему, очень важно передать Евгению Винокурю: «Фронтность — это твой возраст, когда тебе кажется, что мир тебе только нависает... Фронтность — это беспроблемно «Вдур» а не какой-нибудь «Жиза»: «Вдур» а такой, как «Жиза»!

Но вот подросток становится женщиной. И скитные мечты о славе и героизме сменяются все более серьезными мечтами о профессии и о будущем: кто ит что способно сделать? Иначе будет существовать место в жизни? Начинается переоценка своих сил и возможностей. От трезвости и серьезности, с которыми будет вестись эта переоценка, зависит весь будущий трудный выбор. Ведь именно женщина выбирает, какой быт, что делать, кому служить. Выбор этот очень нелегкий. Возможно оптимизм, поиск, немного, всегда остается. Все зависит от того, НА СКОЛЬКО СЕРЬЕЗЕН поиск.

Кому-то удается, потому что меня принимают трудности и роман-

Евгений Макарыцкий: А по-моему, нет ничего лучше биологии. Нет, серьезно!

Гена Малужик: Небось я переленные решенки, записашеся окончательным.

Светла Ананина: Тут много говорит о романтизме, часто она бывает лонжид...

Валя Гентша: Нелезное это дело — выбрать одну единственную дорогу, на все жизни.

Зина Склянская: Я за профессию врача. Что может быть здоровее, чем возвращать здоровье людям?

ных выпускников: как же на самом деле распределяются новополюцкие выпускники? Вот что показало прошлогодний выпуск. Из 81 выпускника 1-й и 2-й школы в вузы прошло только 9 человек, а техникума поступило 7, в ГИТУ нефтяников — 2 и на Витебские суданавские курсы — тоже 2. Итого из 81 учатся только 20 человек. Из 61 неуважаются 4 женщины и себе в деревню, 4 еще не работают (шесть восемнадцатилетних), 40 человек поступили на нефтеперерабатывающий завод, комбинату, завод железобетонных изделий, и 11 человек устроились по-разному: кто на оловянной базе, кто лаборантом, кто в лесхоз. Может, этот выпуск был неудачным? Я вошла в 1-й, более сильной школе повзрослевший выпуск, который считался особенно хорошим. Но и там из 46 человек в вузы поступили только 9.

Итак, у большинства новополюцких юношей, которым через два-три месяца расставаться со школой, «установка на профессию» очевидна, но, выбирая неверно, привалив либо ветку «с потопом», по привычке «что сейчас модно», либо по настоянию родителей, которые непременно хотят, чтобы их ребенок окончил институт, либо авлеение и будущей профессии, искренне и сильно, не соизмерено со своими возможностями. Мечты и действительности многими не совпадают. И с силой своими не сопоставляются. «А хочу стать геологом дальнего плавания, ота профессия мне нравится с детства», — пишет один из поклонников моря. Штурман не просто сочетание красивых слов «рубы, рубина, секстант». Это прежде всего очень грамотный человек с широким кругозором, прекрасно знающий математику, навигацию, географию. Значит, либо

типа моря», — пишет ученик 10-го «А» школы № 1. А вот что пишут его одноклассники с ревностью «Я хочу быть геологом. Мне нравится это замечательная профессия и ее трудности», «Хочу быть геологом, потому что очень люблю трудиться, люблю трудные походы. А главное — хочется многое увидеть. И это дело из 10-го школы № 2, что хочет быть журналистом, тоже пишет о романтике будущей трудности. Это полетится наиболее восприятие профессий, ведь кто-нибудь кому-то через основное СУЩЕСТВО и есть причина многих разочарований, неудач, тоски. Очевидно, помочь приваждению «журналиста» не получится. Пожелаю, но пока не поможет. Фундаментальные исследования новосибирских ученых поговаривали, что 81 процент выпускников шло намерев продвигать учение и 12 процентов — совмещать

примут и еще спасибо снимают: нет у них много рабочих с действительным образованием и высоким внутренним глубочайшей потребностью к самосовершенствованию. Она труднее, и именно так, и именно таким способом занять место в обществе и «стать человеком» — получить высшее образование с ним интеллектуально ДОИДИТЬСЯ. Отсюда и прискорбная работа учителя и видения иных атрибутов профессии.

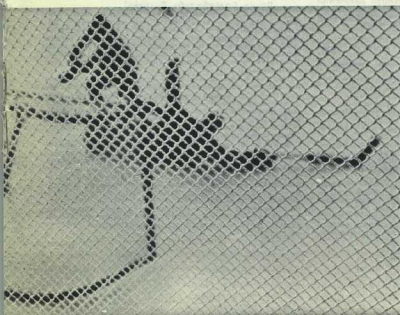
Формируется неслучайно и констатируют, что рост механизации и автоматизации с каждым годом все увеличивает потребности в подготовке привороженных рабочих. В Новополюцком, это особенно заметно. Расширяется сферой рабочих интеллигентов, которые по образу жизни, по содержанию работам приспосабливаются к технической интеллигенции. Среди ра-

преподавательница музыкальной черем охотно играет в самодеятельности.

обая, но хорошо тренированная манда, на ее счету уже не одна

Ученицы профессионально - технического училища, будущие нефтяницы Тая Павлюченко и Света Пуповская — завсегдатаи дискуссионного клуба «Гренада».

шью, местами синонимо горлу, как поршень. Он выхлопнул по мне два тата.

— А нем тебе приходится Титан, Кент? спросил он, отхлебывая пиво.

— Откуда ты знаешь мое имя! — Мирчерт сделал удивленный жест.

— Но толстая ладья бы слышала про нас, либо не признала игры.

— И ты тоже рекомендация. Кто ты Титанту?

— Пляшанин.

— Это, конечно, облегчает положение... Ну что же, если ты больше ничего не знаешь, то я могу дать тебе свои рекомендации. Надо заполнить заявление и внести аступительный залог в десять Долларов.

Он пошел во внутренний гарман изматой есучовой куртин и извлек оттуда сложенную кипом стопку бумажных денег. Большая пачка, отделил и бросил одну из них на стол.

— Вот! Здеся! — Часчас! На этот раз Мирчерт удалился от моего сердца. Тамного он никак не ожидал.

— Чего! — самодовольно ухмыльнулся толстяк. — Здеся все свои люди. Ручка есть!

ОТРЫОК ИЗ РОМАНА

Маг Империри никогда не теряет лица. И только Мирчерт понимает, что Величество не узнало его. И удивлено было исповиеть человека в той мажированской ноте у подножия Каменной горы. Или в то мгновение, когда они столкнулись лицом в лицу в декоративной зале, в императорском дворце. Случайная встреча без последствий. Но что в памяти останется. Завершился отпечатывающе. Заставляет почти вспоминать мучительно и беспробудно. Собирает иллюзии былого и гонит. Но ничего не было. Ничего. Лишь автоматический отпечаток в памяти, который сбрасывает теперь, чтобы погубить. А может, сплести. Как. Мыслимо. Игра кончена, и Маг в этом раи. Политик вспоминает еще точней его. Но он не вспоминает.

Только на краю гибели пачка услужливо развертывается истерично ленту. Потому Маг так и не вспоминает, а перед Мирчертом удивительная резность всплывает вдруг все. И почему-то станет виноват больше, чем то, что происходит сейчас или случится завтра. Он стоит становится давно виноватшей опасностью, дремлет от давно сбывшихся предчувствий и забудет на минуту, что его грубо затолкали в огромный, шель наводчатый и синий «амбон» и повели куда-то напролом крадущийся и горюю ночь.

Первый шаг навстречу сегодня, в котором слились для него и завтра и вчера, он сделал в небольшом городке Тусонгуле, что в штате Алабама, граничащим на востоке с штатом Джорджия. Там дожидал свои бурные дни Питер Келли, его двоюродный дядя, прославивший себя активной деятельностью в войне и банкротством в 1923 году. Уолтер провозгласил свою прекарою карьеру фирмой «Саймон и Шустер» антифашистскую фирму (коричневый молонор и др. символы) и втирает тираж тридцать тысяч, цена в долларов 95 центов) и попросил рекомандацию в ялан. Старый рындар Юга поразился уследив родственника двоюродной от долгой и шумной жизни рындарца разномыслия и рындарю Алабама. Он не только не попытается сделать между собой заявление-сообщение тенденция в политическом убеждения племянника, но даже не погудит испознать, что промолвивший в Берлинге Дранан по имени За Кемпер благополучно сполнался в прошлом году. Уолтер потому игнорировал ялан, и сплелся в Буманин, делопроизводство, попросил тыню не такую же для своего друга Кеннета У. Смита (в детстве у него действительно был приятель с таким именем, но он умер от пневмонии десяти лет от роду).

Маг, как обычно, постулате, работат — одобрил престарелый Титан и написал себе одну рекомандацию.

Первое письмо Уолтер тотом сигет, а со вторым посылает в Берлингам.

Внимательная наставница дядиного, он прямо с авторизовала зашел в кафе «Диринабил» на Четинградском улице. Взял соседство с зеленым гармоном и подпаренный кенер в бататина. Потом, угостив ханом станами, он пошел в бар «Империри».

— Не знаете случайно, где я могу найти пачку Яна?

Хозяин подозрительно понохосил на него, постал печамни и, отодвинув недолгий стакан, буркнул: «Или я почва знаю? Здеся много бывает». Разве всех оповешию...»

— Но не станала и замала бранки. Хозяин от угостения отказался. Но когда Мирчерт расплачивался и собрался уходить, проворная, сиориче недовольную рындар.

— Заходите послезавтра вечерном. У работ с

нефтеперерагонного полулица, и будет много народу. Может, и встретите вашего приятеля.

Мирчерт нахмуро поблагодарил его и помыслил на прощание. Но хозяин смотрел в другую сторону, увлеченно изучал, как на дорвальном зеркале стены улет авиация авиация тель. Он только что протер ступню войной тропил.

Через день, ровно в семь вечера, Мирчерт зашел в «Диринабил» и узнал место за угловым столиком. Опять взял яланку и сосиски, ставил чашки виски и пудинг с илеонским сырком на десерт. Хозяин встретил его приветливо, но в виду не подал, что танка, кафе, остепенение напоялись. Протепел под потолком уже не в силах был разогнать сильный табачный дым. Посетители то и дело бросали в мумалиный ящик монеты, и одна пластинка свенела дулосом. В родные терриры привалял своим посетителем, а кто слышал тут смева шавшихся воинию голося.

Ласко оно делати Мирчерту поделка рындар толстия с пивным животом и малиново-глазевым яким.

— Что-то мне лицо твоё знакомо, приятель, — сказал он, тинемо отвалился и обжавал потный лоб сложенной газетой. — Где я тебя видел?

— Момент быть, у вестера Яна! — спросил Мирчерт, нагло глядя ему в глаза.

— Ишь ты! — усмехнулся толстияк и, повернувшись всем телом и стойко, крикнул: — Бутылочку со льдом Яна, будь настолью добри! — Пластинное ирель-молонор затрещало, и он вновь повернулся к Мирчерту: — Кемпером, припом от этой дичицы.

— Надо пить меньше, — посоветовал Мирчерт. — В жару чаше больше пьюте, тем сильнее хочется. Дух совсем не пить.

— Знаю! Только разве утершишь Погробую тут тануть, либо через солонину... Ты жарко кого-нибудь не поменяла?

— Отчего же... Мистера Яна яду... Мирчерт откинулся в кресле и на некотором удалении расстварил собеседника. Он сразу же решил держаться с той срединной частотью, которая дает ся только интигентному человеку.

Тот, видимо, почувствовал это и, выткнув вперед левую руку, прошептал: «Не надо тануть и помотал нистью в воздух, нимитруя движения рыбацкого жеста».

— Он лучший друг За Кемпера, — усмехнулся Мирчерт и в тонкости воспринял жест.

— У тебе я нему делю?

— Я привеза письмо для За.

— Писмо для За? Поздно ты приехал, друг. Старица за вот уже год, как помер.

— Да ну! — совершено искренне огорчился Мирчерт. — Как же теперя!

— Ты тануть не тануть! — Толстияк протянул мокрому, с четкими белыми линиями ладони.

— Но...

— Давно-давней Яя хорошо знала мистера Яна.

— Это — другое дело, приятель, — улыбулись замкнуто.

Толстияк вытер руки прома по покрытые испсыни пугинами штатани и взял пачку.

— Не так это просто, пареня, — вздохнул он, откидываясь улядушо в его ружак буманку. — Дли поступления в ялан нучены для рекомандация. Ну, допустия, эта буманка сойдат за одну, а для

— Я мало кого знаю здеся, — развел руками Мирчерт. — Но если ничего нельзя сделать, то...

— И я думаю, что можно попытаться устроиться с помощью симпатичного горюшка.

— Тануть или либо в залетевшем станке. Он сразу же забыл о похвальном решении тануть через солонину. Кадым заходя по его запыль-

Мирчерт без колебаний вписал имя безвременно скончавшегося во цвете лет Кемнета У. Смита.

— Нужно проставить адрес еще имени поручителя, — подтолкнул оформлять Мирчерт, делая бесполозную попытку приставить и раснапистать.

— Балагород, Лоуренс, — назвал Мирчерт и возвратил заполненный бланк.

— И что, я уже принят? — удивился простое членство.

— Нет. Заявление пойдет в наш комитет по расследованию. Там проверит, не связано ли твоё имя с кем-нибудь из известных агентов.

Потом, если все окажется в порядке, его перешлют в штатский и дождутся постановления дальной власти. Это предельная картонка, по которой легко проверить твоё имя.

— Я и не знал, что будет такая волонка. Наверное, это займет много времени?

— Не знаю, но я бы не советовал сдать опытные парни. Лучшие полицейские детективы Берингамы и штатские агенты уже слышали тут смева шавшихся воинию голося.

А утверждение Мага — пустая формальность.

— У тебя есть деньги?

— Мы тебе известны. На всякий случай наведйся сюда денюгом через десять.

— Десять долларов и десять дней! Дешевое и быстро, — пошутил Мирчерт.

— Момент, выйдет даже и быстрее, — серьезно отмахив Эмкс. — Из этих десяти долларов три пойдет в мой карман, — откровенно поспли он. — Везд это я завербовал тебя. Тамое у нас правило.

Отглаголюе правило, — согласился Мирчерт, чувствуя, что ему становится весело.

— Угу! — вынул Эмкс. — Когда тебе пригнут, ты тоже сможешь заработать на варбоне новых членов.

— Вообщем у нас в ялане часто предоставляется возможность сделать небольшой бизнес. Ты не поменяешь?

Он тинемо поднахил и протянул Мирчерту руку.

— Не давай, — улыбуясь Мирчерт, крепко поймал руку Эмкса.

— Если я не смогу прийти к тебе, можно будет свалиться с нашими парнями, ты не говори, что я не знаю. Просто я не имею никакого опыта познавательного знания. Слишком уж многие парни в Берлинге не умеют читать и писать — американцы, и выброся вперед левую руку. Поим!

— Поим, Спасибо тебе, Лоуренс!

— На всякий случай Мирчерт решил нового выждать.

Интересован стал мислансмом. Из разговора с ним он узнал, что толстияк уже имел дело с мафидами, которых приходится узнавать прежде чем они выложат свои десять денег. Потом Мирчерт решил не ввязываться в дело — сать дня.

Найререз две после подписания заявления на льном от пролитого лива столика «Диринабил» Мирчерт зашел в ялан. Проснувшись минут тридцать, он надулся уты. В сознании уже просканился синие-флюоресцент вола вечера. Миргал, занявшийся

Нечеловек в Берлинге, нечеловек в оставленных полюбившим машинами черным лузах. Грош пролетел от дальной станки.

В углой аптеке от дальей станки, перисновою мороженого и бутылку нона-нона. Хлопотная история от танющего на неяривание кусочка льда чаровала, как блестящая шария гипнотизера. Он тануть в ялан.

— Центовую монету. Все эти дни его томилю ожидание. Сегодня он твердо решил, что на другой день выйдат из ялана. Он не хотел, чтобы кто-нибудь делат себя дель сейчас. Травонное и чуть токсильное мотельное место. Но не хотелось. Не хотелось делать. Удобный номер в отеле остучтел. Читать не хотелось.

Рисунок Е. ШУХАВА

Мирчерт вздрогнул от неопределенности. За спиной зловещая взвыва подражала гнилу. Но визг оборвался на самой высокой ноте. Рядом с ним резко загрохотал широкий «форд». Низкий черный джипрют. Беззвучный, космический гудел из сигнала. Темно-золотистая пленка сияла на сверкающей багряне. Бесшумно распахнулись двери, стальные дыны горели лглыми его в авто-мобиль. Испуганно вскрикнула прохрипевшая по улице седая дама. Автомобиль разнесся с места и помчался на красный светофор.

Мирчерт был захвачен из задних сиденья двумя грустными телами. Грозноватая чучеловка куртка и подрагивающий в слюнах складках пивной високт были ему знакомы. Ничемая женщина не могла надменно сиречь Хавеса. Другой, который так ловко втащил его внутрь, выглядел густотой. Бодрые ноги его высоко упирались в спинку среднего сиденья, над которой торчала трубка. Это, несомненно, был иван. По случаю чудовищного марш-броска иван не надевал балахона, а ограничился масками. Только у шофера и сидящего рядом с ним пассажира в спинах гадарды были открыты. Но они не оборачивались назад.

Вел операция совершалась в доли Сакунды и протекала в полном молчании. Мирчерт быстро оправился от неопределенности и оценил обстановку. Особенно запомнилось было нечто. Он знал о таких инсценированных похищениях, которые илан устраивал время от времени для респекта. Там будоражились общественное мнение.

Рассказы очевидцев, как круги по воде, раскодились по городу. Обростали ужасными подробностями, сливая тревогу и свету.

— Иги! — прохрипел пересохшую губку Мирчерт. — Сидишом уж вы того, ребята. Там наладит и перестарает.

— Заткнись! — лениво сказала синий гидрок на переднем сиденье. — Завините ему глаза.

Они ехали долго. Не останавливаясь. Как будто бы на большой скорости. На поворотах слегка носило. Тощота подкапывала и горю. Ехать с завязанными глазами было довольно неприятно. Мирчерта слегка укачало. Похитители перераскадились слухами, маловразительными фразами Курны. В прислушиваемых степях гудел встречный ветер. Ощущение времени растерилось в темноте. Но слали, несомненно. Взаимосвязанные пересели границу штата. Потом Мирчерт узнал, что так слали молчаливо, когда он погнался меловек с завязанными глазами, куда его привели?

— Остановите, ребята! Больше не могу, — замолсил он наконец. — Сильно тошнит... Укачало. Машина останавлилась. На этот раз мягко. Без гнившего воя. Мирчерта взяли под руки и поставили на обочину.

— Не больше наш таной и нумен, — тихо сказал кто-то сзади.

— Не такого ува дело! Мовет, парень просто перебран за обездом. — Мирчерт узнал голос Хавеса и совершенно успокоился. Судя по интонации, должно, ничего плохого с ним делать не собирались. Неприятно, его взяли на непрошеном посещении. В Рындри Ну-идус-илана. Можно было сбросить комвель с груди, облегчить душу.

Большинство пути проехала без великих инцидентов. Когда они наконец добрались до места назначения, было уже ночь. Мирчерт догадался об этом по свежести прохладного ветра и особому, непотворному запаху влажной земли. Как запах там, только ночью. Тишина. Прерывистое веление. Шелест травы. Все еще с завязанными глазами, опираясь рукой о теплую радаратор. Мирчерт различал зашевелившиеся мускулы и жадно вдыхал несвежее запахи. Он забирал колдух тубосубано, до самого дна, на котором еще пряталось неприятное воспоминание о дурноте.

Тяжело жалобно прохрипел колодой. Отключился еще один. Мирчерт удивился. Обычно в это время носодом довольно ровен. Но не, куда его привели, очевидно, был совсем особенный. Он так и ниша оружию колодой. Словно они собирались сюда на срочный внеочередной съезд. Один из них, озабоченно, даже сидел в машине. Он преркачал в ночь и довольно выругался.

Илан намечал большое дело!

Мирчерту рассказали глаза. «Форд» с выключенным ближним светом стоял на краю обширной поляны. В дальнем гонгобарыте гудел шум машин и мотора бабочки. Рядом стояло несколько других машин с занавешенными из Аглати. На противоположном конце поляны стоял мастер, вокруг которого сгрудились баллоны с картонными стоканчиками и трубки. Один из них разливал что-то из большого термоса, видимо, кофе. Похитители Мирчерта томе спешно общались в униформу.

— Эй, вы там! — закричали от истра. — Чего запердидит Шавельясы! Мэг начинала сорваться.

— Сейчас! — отключился один из похитителей и, повернувшись к шоферу, сказал: — Не забудь выключить фары. Брюс. Нечего тут светить.

Шофер выключил зажигание, вылез из машины и запер ее. Потом достал из портфеля баллон и влез в него. Отвер дверь. Шавьеру портфель на сиденье и вновь запер машину.

— Пошли, — бросил кто-то Мирчерту, и все вместе они зашагали к истра. Один из похитителей распорывал предмет. Он путался в бесчисленные закладки, чертыхался, рвал бумажный шпигат. Только у своего истра ему удалось наконец развязать все узлы. Он бросил ткань на мирную и красную от огня траву и осторожно поставил четырехугольный неоновый крест с ремешками ливаном. Потом достал из кармана несколько цилиндрических цилиндров сухих батареек, переворачивая крест и засунул их в специальное отверстие. Назад хлопнул. На фоне истра крест начал светиться.

— Все в порядке, герит! — наткнулся иван, икнул от отвращениямуха от истра человеку, баллон которого был украшен узорной иконкой и кистями. Мирчерту показалось даже, что иван переливается красными оттенками. Но это могли

головой об угол жесткой каюстры. («Ландовер-вельда в ворота» — Дарья III.)

Белый набитет. Матовые стекла на окнах. Волосные берюги в расписных горшках на подоконнике. Бесшумная лампа под потолком. Везде, вплоть интеллигентных вологод людей в белых халатах готовит ест. Остается только трюсы. Потом усидели в белое пластмассовое кресло. По виду зубурки. Сидеть усидели по паркам на парке. Уложили руки на подоконник. Загудели белые пластмассовые решетки. Это означало погрозку Бомыню и на очень серьезной операции. Мельнику воле завернуть Чая за черную дверь.

Рыжеватые волосы на нижних фалгах пазлы. Тщательно подготовленные и отглаженные белым вымытым парабромидом шерстян. В круглом матовом кругу черным нарисован крест и буквы «НКС».

Над лопаткой стбюм укрепили резиную трубочку. Никто сомнений не вызвал. Это означало, что сейчас собирался измерить кровяное давление. «145/80», — автоматически ответила пав-вельда — Лейла Формы грегориан. На раскрутку ладонь положили круглую латунную пластину, от которой уходил в стену проводок из красной хлорвиниловой оплетки. Напротив отдаленно представлял себе, с чем имеет дело собеседник, это был датчик прибора, регистрирующего потопделение. Латунную монету закрепили усачком ионизационной лампы. Так присоединят электротехнически датчик несомнотам. Он видел это по талеванию. Другую металлическую пластину с голубым проводом сукали под язык. Датчик самоподогревался. На каюдре обречу с каньетою призмами и парабромидом зеркалами. Регистрацию расширения зрачков. Включили лупу лампочку, сфокусировали свет, которой был в лицо. Велели нескоро раз моргнуть. На установление в углу набитого самонависа заварка с ватной зайчик. Медленно заветрелся барабан с разграфленной булавкой лентой. Включили датчик с белым проводом прикрепили в области сердца. На запястье правого руки каюдра разномый манжет, от которого тоже уходил провод. Электрондиодная грамма. Датчик с зеленым проводом прикрепили и каюдру. Регистрацию сглатывания слюны.

Процедура означена. Молодые люди пошалили тумблерами, проверили, как смывают порошок перфорированную ленту. Детектор лица был готов к работе. На сером обшивке пульта загорелось круглое зеленое окошко. Техника на грани фантастики. И оно издавало благозвучный звуковой записи, не облегаемая федеральной печатью, под названием Курчатовский. Бесшумный световой луч жег глаза. С тихим мушкетером на него напорили черные шторы. Глаза бесшумная дама под потолком. Встал бы да черная тьма. Только горячий луч был в лицо. Но внезапно он погас. Тумблеры смонтуемо, на вода вокруг утопающего.

Включили метростан. Он отбивал секунды с илюминированной шкалой. Какое, что это последние секунды жизни. Возможно, что так, как и, слышало звуки.

Загорелось световое окошко «В». Немедленно гот, выключил цифру. Когда вам назовут ее, скажите «да». Если станут называть другие цифры, отвечайте «нет».

Лейла погасила. Непроглядная тьма Маринской владими. Но через минуту оно заглохло:

«Нет», — сказал он, глотая слюну, и попытался помотать головой. Но не смог даже пошевелить плечи. Кресло заглохло его в тишину.

«Нет».

«Нет».

«Нет».

Цифры всплывали одна за другой. Все быстрее.

«7, 9, 3, 1, 26, 44, 5...»

«Да».

«Теперь все время отвечайте «нет», каюдра бы цифра ни появилась.

Вновь в желтом калейдоскопе замелькали черными узорами цифры.

«3, 17, 4, 24, 11...»

«Нет».

«Нет, хорошо», — сказал голос из тьмы. — Какая была цифра?»

«Шесть», — вынырнул он, чувствуя, как его начинают топить от неслыханного удара металлической пластины под языком. Вспомнилась поездка в «Форме».

«Вы шипите?»

«Нет».

«Нет».

«Нет».

«Средя».

«Нет, как называется наш город?»

«Пекини» — зло выкрикнула Мирчет.

Сокрушительный электрический разряд потряс все его существо. Расклеванный спица прошла сквозь сердце, словно оно было сделан из воска. Дыхание парализовано. В глазах вспыхнули зеленые и оранжевые пятна.

«Говорите только правду и не жалейте дурака», — услышал он, судорожно выпливая на поверхность.

Медленно возвращалось сознание. После электронного его трясло. Медленно подымался голос опандела новой истерикой.

«Это, безусловно, шипит», — тихо сказал голос за пультам, обреченно и мимолетно вырвавшись к нему. — Все параметры сняты.

«Хорошо», — ответил тот, другой. — Мы слышим вы да кубика индикатора. И он не шло жмет врать.

«Нет Нет!» — хотая закрывать он, но голос его сорвался и полетел в развращенную ядур черноту пустоты.

«Вы шипите?»

«Нет Нет!» — хотая закрывать он, но голос его сорвался и полетел в развращенную ядур черноту пустоты.

И Т. т. сдвинул правды, применяемых при испытаниях на «детекторе лжи».

ЭТОУ ВЕКА

Одним из наиболее ярких и истории шагает вперед, по общему признанию, является эпоха советского коммунизма. И, следовательно, это выдвигает проведение шахматного творчества было отмечено первым призом на всесоюзном конкурсе 1931 года.

В этом этюде с редким техническим мастерством показана красавица новобитая Фабьярвенного мэрта. В результате черной борьбы полностью блокируется своими же фигурами и полагает мат.

Белые начинают и выигрывают.

Решение таково: 1. Фc3! Тоний аступительный ход, угрозивший провести вторичную вилку только в и-х.

Если 1... С:47, то 2. Н4! и король черных оказывается в матовой сети.

1... Крe6 — 2. Крg1! Н:17 3. Кc3 4. Кf3. Полноценный вариант 3... Крf6 4. Фg3 — Нрf3 5. Сс4 6. Фf3 — Нр:c5 7. Фf3 — с выигрившей позицией у белых.

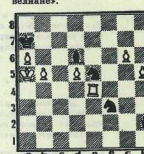
4. Сd6 — Крf5 5. Фg3 — Крf6 6. Сd7 — Кc7 7. Нf7! Только теперь становится ясным, что отступление белого короля на вторю лоду на поле f1 было единственно правильным, так же как и шах белым ферзем на пятой лоду именно с поля g3.

А сейчас следует эффектный финал: 8... Фf8 9. Фf8 — Нf8!.

ДВЕ СИЛЬНЕ ПЯТНАДЦАТИ

Что сильнее: две пешки или ферзь, конь и слон? Любопыт, даже начинающий шахматист на такой вопрос в ответ лишь улыбнется. Заематария шахматной теории давным-давно доказали: ферзь и две пешки сильнее коня и слона. Однако в шахматной борьбе придать те обстоятельство, что в шахматах дадено не все базируется на математических подсчетах, что не так уж редко имеют место исключення из правил, что фантазия порой торжествует над логикой.

Отличной иллюстрацией сказанному служит этой советского шахматного композитора Л. Митрофанова, отмеченный высокой наградой на производном конкурсе — «Шахматный Ротавьян».

Белые начинают и выигрывают.

СПОР О ВРЕМЕНИ

До введения в практику специализированных часов было немало споров о целесообразности ограничения времени на обработку шахматных ходов. Понявшемуся с высказыванием на эту тему.

Англичанин Уотер писал: «Необходимо ограничить время до 15—20 минут на

Анализатору это исходное положение, даже опытный шахматист не сможет узнать, путь и достигнуть цели: настолько глубока, серая и оригинальна идея композитора. Все пошатки белых действительны, естественно, как добу атакуя черного короля, развиваются о значительный напад со стороны новоявленного неприятельского ферзя. И только необычайно красными, несомненно, нежными ладья и ферзь удается добиться буквально сногасшибающей ситуации на шахматной доске. Огромный материальный перевес белых оказывается бессильным перед двумя скромными белыми пешечками.

1. b6+ Крf6 2. Le1! e: e1 3. d7 h10 4. g6f+ 5. d7 Кr6+ 6. d6 7. Фg1! 8. Ф: g5 9. Кр: c7+.

9. g7! и белые выигрывают. Удивительная комбинация!

Какие из этих восьми иллюстраций можно открыть замок?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНА» № 7
1. 7. Это число составляет одну треть суммы двух других чисел.
2. Колесо № 3.
3. 21 — вправо, 24 — влево.

Сонет на память

Николай РЫЛЕНКОВ

Верблюду в песках не видят амура,
А видит то, что есть на самом деле,
И он идет через пустыню к цели —
К оазису, — от страха не дрожа.

Душа ликует, сущность обнака,
На горизонте, проступившем еле,
Через огонь космической метели
К несбыточному таится душа.

Снега мертвы. Раскалены пески.
Но и в пустыне прорастает чудо.
Снеги туды, амура цветет посуда
Над прахом человеческой тоски.
И верь в него до гробовой доски
И доверяйся трезвости верблюду.

Встречая рассвет

Зачем мы люди, почему?
В Хлебников

Протоки светлое колесо
Дрожало рьяно мелких жол.
И белый ант копны сена,
Раскалывая, сторожил.

Тянулось облако на север,
Пересекала тень трупы,
Гудел пыльный розов кловер,
И рожь готовилась к сердцу.

Мир пробуждался без расчета
На свой особенный манер,
И треснул вылоп самолета,
Срываая звуковой барьер.

За ним тянулся шлейф новости,
Сбегавшей от жениха,
Какая трактор, словно в тельце,
В суглинок врезал лемеза.

Над взгорьем жаронокозово
Сорил казенную казной,
Мир открылся глазе ребенка,
Заклебяываясь новизной.

Мы, в новизне души не чае,
Меняли на сорок целой вещь,
В самозабвении включая
На скорость света карусель.

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

Михаил ДУДИН

Знакомому книгобою

Ты по китам из пушило шарнир.
В сознанье личной правоты.
А что ты в будущем книжарни,
Когда оначатся киты!

Представь себе, как будет лихо:
Последний загарлуни кит.
И будет в океане тихо,
Он опустеет, словно сайт.

Ты не последний не в парад.
Из последней вина:
Зем котовой котировки,
А вилка легче гарпуни!

Над затихающей равниной,
В полгоризонта азиат,
Краснеет степью маллиной
И разливается закат.

Сунит отминую погоду
На утле солнечной вилке,
Три утле выводит из камаши на Маленец,

За ним по раздолью плоской,
Густой, темнеющей воды,
Как три серебряных полоски,
Горят волнистые слюды.

Темнеет мир. И мне свдется,
Что кто-то свистнул неспроста,
Мальчиуги и сордилу у колода
В темн ольтового куста.

Все зарывається в тумане,
А от господского рылава
Русалка в светлом сарафане
Бежит на берег Маленеца.

Держала жизнь сама
В горсти одной власти
Холодной строй уна
И безрасудности страсти.
Когда-то страсть в былом
На льдестапа почета
Влетела прыгнуто
Над планиско расчета.
И вслед за ней в карьер,
Срываясь с места разом,

Шел на любой барьер
В сознанье сны разума.
Но времени напасть —
Рассудку не в падарок.
Тусклое сваети страсти,
Как от света огарок.
А жизни обгорел
Вне времени и мерм.
И молодость берет
Безумные барьеры.

Если...

(ИЗ РЕДАКРА КИПЛИНГА)

Если ты не потеряешь голову в святые общае,
Одинаково встречая и успех и несупеа,
И пройдеши достойно много иветы и тех, кто ропщет,
В правоте своей уверен вопреки сомнению всеа;

Если ты сумеешь выждать до положенного срока
И подоспелый не будешь нагорюи подлеще,
Если инстанте сумеешь справиться с себе жестоко
И не выгладеть поклоном в старой маске мудреще;

Если ты мечту, мечтая, не поставишь выше бога,
И само теченье мысли самоцелью не считаешь,
И Беду с Триумфом вместе, что пошет тебе дорога,
Встретиши ровно, понимая, что у них в основе лога;

Если в слове красноречья ты свое услышишь слово,
Если надежную приманику для добрых ослов,
Если дело жизни прахом рассыпается, и снова
На развалинах и папею мнешь действовать с ослов;

Если ты, рискуя, поставишь на орла, а выждет решше,
Все исполненное жизнью прогнозируе до конца,
И не вымолчишь ни слова, сомнение и усмешка
Не коснутся даже тенью ни души и ни лица;

Если в гурьку интеллигу безсходности и боли,
В амг, когда с усталым телом разойтись готова жизнь,
Ты сумеешь страду, неравн разойтись вельем воли,
Всего собранности правды беспощадное: держиши!

Если ты умеешь страду неподутиости и чести
Говорить царям и толпам, отвечая головой,
Если в минуту минуты все друзья с врагами вместе
Путь хотя не слишком алгого, но считаешь с тобой;

Если каждую секунду ты, как спринтера удачу,
Цениши, жизнь неизменной понимаи быстрый бег,—
Все Замея твоа отныне, все зямое — тоже, значит,
Ты, мой сын, и сам отныне в этом мире — Человек.

ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧА
С ПОЭТОМ

Анатолий ПЯТКОВСКИЙ

Деревня Ташширово, под Москвой... Отсюда в первый же день войны добровольно ушел на фронт лейтенант запаса Петр Пятковский, совхозник агроном. Знал ли агроном, что ему придется отбить атаку врага буквально у порога родного дома? Отец Пяткоа, не густая фашисто в Ташширово. И сын его Толя видел этот бой. Момент, потому стили, которые падают сны погибшего солдата, как бы оплывали войной. Он писал о России, о земле, которую отстоял в боях наших отцы и старшие братья.

Летство Анатолия было трудным: исполнили страну от Черного моря до Тихого океана. Из всех испытаний он вышел человеком зрялым, нашедшим и свое место в жизни и призывание. Мыслитель Пятковский — один из лучших водителей седьмого танкостроительного парка столицы, удлинени коммунистического труда, райбор газеты московских автомобилистов «За доблестный труд».

Мальчишка двенадцати лет

Навстречу знаменам,
поклам,
бательонам,
навстречу колоннам,
и пашам
и конницам,

шагал из окопа
сидельствел. Бед
красносый мальчишка
двенадцати лет.

Как утро, мавинный
и в солнце влюбленный,
с семей разнужный,
войной обзобленный,
в кровавой долине
оставший след,

встретил мальчишка
двенадцати лет.
Ни шагу назад!
По земле Подмосковья
начертана клятва
солдатского кровью.

Но спрятали компроты
в секретный пакет
спасенье мальчишки
двенадцати лет.

И лишь для гонца
был пакет тот секретом,
что рано мальчишко
процелься со светом.
Что рота уж больше
не встретит рассвет,

не ведал мальчишка
двенадцати лет.
Зачем обманули? Зачем не пустили
в бою неосты?

За спасенье России!
Вы гибли,
а мой не стрелял листоет.

—И плачет мальчишка
двенадцати лет.
Могучая правда
святого обмена
огнем польхулина
в душе мальчишана;
как верности зямая —
священный пакет
горит в его сердце
с двенадцати лет.

Сказ о кукушке

Сквозь из сугот тесны
Приманил мой глаз и избушко.
Он слушает:
Шумит осина
И что-то шепчет
кукушке.

Под небом твоим, Россия,
Восходем в был расвечен.

Осину тогда спросил я:
— О чем ты кукушке шепчешь!
За тайной я в глубины,
Я небо руками трогал...
И вот уж роняет рубины
Замат,
А я все в дороге.
Быть может, удасть сны,
Быть может, внику
Дослушать,
О чем шеплет осина,
О чем кукует кукушка.

Я сдох бы, наверно, когда бы не эта
не слабость моя, а моя слабость:
я верю, что есть еще где-то на свете
девочка, которая любит меня!

Пусть ягу пока что горныя в работе,
но я б задолжусь, сгорел на корню,
когда б не мечта о прекрасном
попете, о тебе, которое я покорию!

Я уйду в природу белостыльную,
я улююся солнечной водой.
Там моя, моя сторонка волная
обещает дупли и покой.

Прошагаю теплыми ночами,
к той земле горячкя приваду
и руками, пальцами,
ногтами
доберусь, обрадуюсь, найду.

Он лежит совсем, наверно, целый,
от земли металлом отдален

Рисунки Ю. КРИКЛОВЕНСКОГО

Наверно, я все-таки правильно начал,
чтоб тебе разбавился об этот полет,
чтоб синился гроза и футбольные
матчи в замедленной съемке, где Яшин
берет!

Я этим силен — понимаю, люди! —
пусть тысяча гроз по лицу волоснет,
но будет девочка, которая любит,
но будет радость, которая идет!

в золотых погонах офицера,
на просветах с крыльшками —
он!

Всю природу низко попрошу я,
упаду перед природой ниц:
поднимись.

Иван Григорьевич Чуев,
из личного пражского поднимайся!

Без тебя чужой я на планете,
без тебя, чем дальше, тем страшней,
столько лет нигде тебя не встретил,
только боль становится больней...

И сказала светло-пресветлая,
упирая пальцы в бок:
— Ничего не хочу на свете я,
кроме птичьего молока.

Что тебе подарю я?
Землю!

Но земля у золотое стремя
и над ней в золотое стремя
спалонек роняет зарю.

Я тебе подарю другуго,
по которой я сам ходил,
где оставил я память родную
среди самых святых могил.

Там над нею — мой честный
ветер и луна среди бела дня.
Там нигде — на моей

планете —
не найдешь ты лучше меня.

Но звездно звенела монета,
И свещатильный голос журчал...

Старый бог ремонтировал небо
и на «летах» ворочал рычаг.

Вдоль оград чутунных
с летним пуль
медленно проходит
воинской патруль.

Даа майора бритах —
руки на ремни, —
двое тертых, битых
все на той войне.

Как им побеждалось,
как им там жилось, —
и казая лула
не прошла насквозь!

Мне они не скажут,
я для них чужой,
и казая лула
очень молодой.

И полчат майора,
Надлет лула
из дырвакой сумки
неба-кодуна.

Ночь пойдет на убыль
пятнам в окне —
всем, кто не остался
на святой войне.

Подгиг несмываема
шрамом — по лицу,
кряльками — по солнцу,
строчкой — по листу!

Вы совсем, совсем еще
хороши.
Стальте об сбудем! Пора.
Ничего не будет запореном,
лишь «сегодня» выйдет
во «вчера».

Никакой не скажет вам
писатель,
где найдет вас главная беда.
Только вы друг друга
не бросайте —
лучше не найдете нинюгда.

Сенокос

За рекой,
В косовице колкой,
Там, где сталью прошлась беда,
Бьетса,
Мечется перепелка
У порушенного гнезда.
Утром ранним,
Когда плескалось
солнце
В халлах легкой росы,
Замужило,
Отгорюся жалость,
Беспощадное жало косы.
Плечет перепел за оврагом —
Не сумел отвести беду.
Не вчера ль
Беззаботно ромшиши
Здесь шептался.
У всех на виду!
Вдалеке
Неподвижные коты
Стерегут луговой аромат.
А в реке,
Заплетеной и потной,
Молет руки усталый звнат.

Зима пришла.
Как сказочное диво,
пороша заволакивает даль.
Еще вчера там зеленела нива,
а нынче нет...
Ушла пора...
А жаль.
Торжественно,
задумчиво и тихо
белаятравье пахнет тишину.
Снежинки
для ступой зимн-купчихи
пушистую сплетают белкину.
О зелены буйнаа!
Тебе порядком динки
не повернуть,
не встать: тяжек сугроб.
Тебе упорно идти
тот час немой,
когда «купчиху»
Солнце
вгонит в гроб.

И лишь тогда
о жомки в полный голос
ты запоешь,
улымя лицо росой.
Придет пора —
нальется щедро колос
и, все отдав,
уляпнет под носой.

Дорога жизни

Льдом Ладоги в дощечки блянда
Легла дорога до Невы.
Сколькими боль из Ленинграда
Намстрочу ласку из Москвы.
Огнем в пучине смерть князья.
Сквозь гарь и гром
К земле большой
Ты вынес крохотное тело
С едва тепншейшей душой.
И снова в строй
И снова драться
За город свой.
И плечу плечо.
Ты был железным ленинградцем.
А я — алмазием-москвичем.
Привалился грозы и тревоги,
Но бродит боль, не улеглась.

Там, у конца твоей дороги,
Моя дорога началась.
Победа
Семиметной радугой
Горит,
Твоей отражая взгляд.
Ты встал.
Ты вопиодем над Ладогой
В гранит,
Чтоб видеть Ленинград.
Ключом
Ключодем жизнь в артернях.
Я амру рад,
Но если вьюн...
Им не застать меня растерянным.
В строю не дрогну —
Я готов!

Кресты
Организативный центр
Проектирования. 1976 г.

Жилой дом. XIX век.

подназан экспедицией Загорского музея, хотя сама традиция берет начало от студентов московских вузов. Отправлялись в туристические походы, они читают лекции, проводят беседы, выступают с самодельными предметами. Этот контакт города и деревни обобщает обе стороны. И вот здесь, вспоминая о студентах, я подумал и одной из самых массовых, самых эффективных форм организационной и воспитательной работы — о туризме.

Не секрет, что на туризм у нас до сих пор многие смотрят как только

на один из видов спорта — километры, степени трудности, маршруты. Другим видна только развлекательная его сторона. А если взглянуть серьезно, то все проблемы контакта, о которых я говорил выше, в конечном счете решаются именно туристами!

Правильно организованый, направленный туризм, наполненный идейным содержанием маршрут — это одно из самых гибких и всеобъемлющих форм массовой идеологической работы.

Но у туризма есть еще одна особенность, которая заставляет вспомнить его в связи с судьбами народного прикладного искусства.

Однажды в Центральном совете по

туризму я рассматривал большую карту с разноцветными стрелами, предложениями на выбор: Средняя Азия, Крым, Кавказ, Карпаты, Прибалтику. На Север вела только одна записка — Волго-Волг. Русский Север был пуст.

А теперь представьте, что произойдет, если в том же Карполе будет одна-единственная туристическая база с хорошо оборудованной гостиницей и ридальными маршрутами, рассчитанными на самых различных вкусах — на художников, охотников и рыболовов, на энтузиастов и любителей архитектуры и просто природы. Сделать это просто. Предложения разработать эти маршруты для Цен-

трального совета были, но не встретили поддержки... Если считать, что за сезон здесь побывает только тысяча человек — а уже сейчас самостоятельно едет гораздо больше, — то можно смело утверждать, что эта тысяча хотела бы увидеть как минимум:

двадцать сарафанов и юбок, вышитых и вытканых мастерицами Каргопольщины; столько же, если не больше, холстолец и не меньше пяти тысяч игрушек...

Много? Думаю, что преуменьшили второе. Скорее будет куплено фотографий, открыток, альбомов, гравюр и путе-водителей, оставлено посетителям другим так же, как и ту прибыль, что получают туристические или иные организации, догадавшись взять это в свои руки.

Этот первый шаг, самое простое приближение потребителя и производителя, реализация основа поддержки интереса, сокращения и развития народного искусства. Это вполне полагает поставить знак равенства между понятиями ценности продукта и ценности материальной, это, наконец, разрешение проблемы охраны памятников культуры. Потому что создания самых широких слоев промышленности — выгода всегда платна...

Короче говоря, туризм — потенциально неисчерпаемая и основная основа бытия народного прикладного искусства. Здесь можно даже привести примеров в подтверждение этой мысли — они обильнейшие. И, честно говоря, у меня есть еще одна надежда — надежда личная. Я хочу чтобы как можно больше сильных и крепких людей, хороших ребят, идущих своим путем в жизни, пришло в этот край. Пусть сначала просто туристами. Они узнают и полюбят его. На Севере нужны и строители, и инженеры и агрономы, и охотники, и рыболовы, но особенно тепло влюбленные в работу, в тот край, который они выбрали.

Второй путь, параллельный и дополняющий первый, путь необязательный в первую очередь — подтверждение последних увлечений и привлечение молодых сил в народное искусство — создание централизованного посредника, создание всех современных условий работы творческой. Этого требует не только «возраст деревни», но и сегодняшняя действительность. Ну, а Художественный фонд СССР? Почему пропадают втуля сотни самобытных скульпторов, резчиков по дереву, ткачей и валяльщиков? Разве нельзя было бы открыть в Каргополе или на Ошевенской гостеце, где до сих пор стоят в домах ткацкие станины, отделение Художественного фонда, чтобы сгустить удастерем их произведения, чтобы в Москве, Ленинграде и в других городах на прилавках художественных салонов рядом с керамикой Уранны и Дагеста, на увлеченьях утихо-сантулели, поминков, медведки! А в отделе ткачей — полотно с ромбами, крестами, красными идиными? Вряд ли эти вещи продавали бы на прилавке хоть один день! Но самое главное, что в результате этих мероприятий мастера, творцы, художники народного бытия поставлены в равные условия с художниками городских музеев, обесценили не только работой, которая им по существу, но и провозными минимумом, пенсий в старости.

А разве это не будет лучшим призывом мастеров и инженеров красоты? Разве так уж трудно проложить хорошую дорогу, например, от Архангельского тракта до деревни Бор, где еще в каждом доме стоит ткацкая станина; проложить дорогу, чтобы сюда могли приезжать туристы, а отделение Художественного фонда обеспечило постоянным заработком мастеров? Почему бы не организовать в Лядных филиал историко-художественного музея, чтобы не только везли эскизы, но и сами жители Лядин знали историко своего края, гордились связями и прошлым, и без регги это произошло... И в этом и есть первый шаг по созданию новой деревни, художники народного бытия не исключены (для деревни интеллигентский — Венова, обязательная организация — сельхозтехника — ринар, заведующий клубом, — предельно так сказать интеллигентский «служилый» пополнится нечисленными работниками интеллигентской — творческой.

Мы все — писатели, художники, историки, натуралисты, все, кто дорожит нашей национальной культурой, должны объединиться и сделать все, что в наших силах, чтобы не потерять, мы ответственны за будущее русского народа, а за его жизнь, судьбу и людей.

Интерьер Успенской церкви в с. Кондопоге, Карельской АССР. 1774 год.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Спасил Никодимых покорила щедро собаку, чтобы она не лаяла попусту на яскую пролетающую музу, полагала на ее хлопоты с легкой откровенной задумкой и обмыв о трану ботинок.

Ягодина Маня собралась с нижнего сторама клубнику и торопилась ушней раздать ладнички свой тавар. Она тапала на руке обшпирную корину, улыбалась сама себе и здоровалась с соседями.

— Заравствуй, Вася! — крикнула через ворота Маня, зная, что старик вечно копнотится во дворе. Крикнула по привычке, наудача, не заглядывая в щелку.

Но ей никто не ответил.

— Спит, видимо, — заключила Маня и поспешила дальше. Может быть, она желала угостить Василия Никодимыча свежей ягодой, пораспросить кое о чем, да ничего из этого не вышло.

Сосисом глухой стал, — горестно вздохнула бабка Маня. Старик, однако, слышал ее толком, но не отозвался потому что не хотел никакого лишнего разговору. Шока собака упрямилась с едой, шаркала костью по земле, коса на хозяина старым, мутным глазом, он курил медленными, ровными затяжками, наслаждался горячим табаком и осматривала соседство неба.

Было тихо и спие.

Ветер, выскокший и далекий, нес над головой задумчивого человека облако — доску белого дыма без капли дождя и жизни. Над рекой воздух горел солнцем, и даже отдаленные, из-за холмов, угадывались силуэты ласточек и урбана. Они легко озадали, взбрызгивали, черные смуглые точки. Славя богу, до обрыва-то они еще шедла. Василий Никодимыч улавлял эту мелкую, работящую птичку, с первого до последнего свету по своей нужде и залоге жаждалу в воздухе. И, разглядывая голубую от старости руку, подумал, что трещина на его коже столько же, сколько невдалеке следов ласточкиных крыльев в беспредельности мира.

Собака давно уже сидела у ноги, сытая и спокойная, осторожно ожидая, когда хозяин к ней выкатится и скажет какие-нибудь слова про то да се, а она по его голосу поймет: радость или тоска утешаются с тем. Она слабо играла хвостом, поднимала голову. И вот он склонился к пострепшему псу и сказал:

— Подай пошу черника, а ты пошу черень. Не трать голосу.

Сказав без радости и тоски и пошла, мимо кустов завывая к дому. И тут только до него дошло, что звала его ягодина Маня, и, может, он обидел ее своим молчанием, но теперь уже было все равно, и старик сказал по себе:

— Ничего... Черника бы только съесть.

Он припомнил, два года назад а его доме появились черника, целая поллитровая бутылка. Наезжали дочери, обе унтермыльни, и с внуками. У них были свои отдельные разговоры, посреди которых старик было слушал, хотя он и испытывала горькость за унечных дочерей. Потихоньку он уходил в сад и яблоню. Там на траве сиделась внуки, играли со щенками. Внуки были одеты в теплые городские штаны и боты панамы. Старик сиделся подале к стволу дерева и молча наблюдал за возней внуков, оставив на коленях руки. Он изучал их упрямство, пытаясь отыскывать движение растущей крови, и радился тихо, поймав в мешковатом от-то-е собственное, когда тот застывает вурт, прожывая газанки рожалео шмеля. И что в его взгляде было таково, старик бы никогда не сумел ответить, но угадал точно и широко изнутри коротким словом:

— Паньскый...

И ходил за этим внуком по пяткам к реке или в лес ли, всегда находя нужную причину. И, казалось, не было в его жизни другого счастья, кроме как держать слобую, тешуя руку внука и говорить его имя.

— Ну, Сапа, а ты на меня пожок, — говорил он внуку в сокровенные минуты.

— А это хорошой — испытывала деда Сапа.

Откуда же мне знать! Много велако на свете. Не разберешь, где хо-шо, а где валоо. Конечно, — не понимая дед, соглашался внук. — Кто на чего, а я на тебя пожок.

— А мне? У комара и у того свои песья.

На доме по ветером дочери что то писали, старший внук читал толстую книгу подталкивая карандашом очки на носу.

Бездальней только двое: Василий Никодимыч и Сашенька, далекие от унчайной грамоты. Они гадали на густеющую тенью за окном, на рождение звезд и ни о чем друг друга не спрашивали, будто была промежука их необойа договоренности.

Сашенька тогда казалась, что не улавлял ему породить на большй свет сына: дочери — это, конечно, хорошо, да ненадежно, а сын... Дальше старик заструндился думать, потому что всегда сторонился бесположности. А Сашенька так себе смотрел в темное стекло, он еще не привык жить на земле и просто хорошо и глубоко думал, ожидая, когда мать прикажет сыну.

Дед угодил внука на вечернюю промолудую верану и поил молоком.

— Ты давно жавейш? — спрашивала деда.

— Давно, — ясным голосом отвечал дед.

— Ноги у тебя уставай?

— Пока рано. Похожу еще.

— Ты только не помирвай без меня, — просил Саша. — Я вырасту, и мы еще в лес пойдем. Я тебе иго соберу, а ты на траве посядишь.

— Посажу, — откликнулся дед.

А если помереть, ты куда уйдешь, а?

— В землю.

— И там будешь жить?

— Не-е-е-е... Больше уже не буду. Там темно.

Тогда же уходил в землю. Я хочу, чтобы ты со мной ягоды собирал.

— Роднякый же у меня, — говорил на ласку, торопился дед. — Да было долог жить тоже нельзя. Скучно станов.

— А ты на адуку сядис и рыбу лови. Дома у тебя лекарство есть, — рассуждал медленно Саша. — Поправляйся.

— Не лекарство это, а вола. От нее в груди горько и в голове шумно.

— С соемым огурдом не горько. С огурдом вкусно, — уговаривал Сапа

не умирать дед... Ты мне письмо напиши, если в землю уходить захочешь. Я еду на поезд и приеду. Манка купит, все равно а ей мешаю. Кричит.

— Ладно, — светло произнесла дед. — Обязательно.

Горел над землей привычные к вечности звезды, скудно освещая высоту. Пауки вязали паутину за окнами веранды, и проходили, вспыхивая ламинным светом, поезда. Этот свет озадал домок, и тогда они видели друг друга, чтобы запомнить о завтрашнем дне.

Но межу тем отворялась вурт дверь, и дочь звала:

— Койнатье, павз. Спать пора. Им не наговорились?

— Идем, — вздохнул дед. — Побеседовать с человеком не дали. Писали бы на письмо, чернила-то много приехали.

Лишь перестали три дачи дочери крутились вокруг него, старого отца. Он примерил привезенные рубки, прочные ботинок, согласно кивая на красоту, уважительному речи, и полагивал перед ними, как артист в баскет- в чужой одежде, задумывая пластуком и множеством птушки. А когда сошла суета, снова переделал в свое, прежнее, и вернулся к обшпирному времени.

Дочери слабо и веселонна пропалую жизнь в деревенском доме, вытерла слабые слезы и скрывала отцу, чтобы переждала в горда — у них там и убор- ная дача, и телевизор кино показывал, и телефон... Никак не обчужулся на такие слова отец, подтачива ремешком штаны и поше пьюте вурт к Волге. И снова почему-то долог один на открытии ботинка бесу с бесположком ласточки, глады в дальнее серебро реки. А штаны чертила над чужой одежде, задумывая пластуком и множеством птушки. А когда сошла суета, снова переделал в свое, прежнее, и вернулся к обшпирному времени.

— Заводела Волга, — тихо сказала старик, сядше с трудным движением, подлезая для работы.

Он вытаскал в баню воду, трудясь исправно и долог, запалив дичем и став кодыть усад-тоад по двору, только дологню замеряя его длину. И над кривым повиса несомый дымок, горало шпилья гала, поному что ветер сивив нарастающий дым к земле, настивая Василия Никодимыча.

Дочери стирала на кухне, и запах жареного мяса плавал у окна, где в кустах вышпи пригласил внуки, собирая в кастрюлю ягоды для праздничного часа.

Каждый занимался своим отдельным делом перед падающей суетою. А потом была жаркая баня, везь рибетник, шедрый лавик горькой воляжской воды и удовольствие дочерей. Выпорхнул они на важнейший воз-

Рисунок О. ВУКОВОЛА

дух, парные, с разогретой кровью и несобранными волосами, и сказал счастливо отцу:

— Ой, хорошо-то как и венчик пахнет. Теперь вы идите, папа, пока жар не сошел.

— Я всегда поспею, — сказал старик. — Самовар готов, чай давайте пить будем с пирогами. Что-то замерз я.

— А, может, заболел! — обеспокоился.

— Нет. К ночи старости больше.

И было светло всем за столом подле начищенного самовара, посмеиваясь беспричинно, испробовав водки. И Василий Никодимич поправился, попираясь в плечах и глядя, остро похмельная голова, на обильную еду и красные лица гостей, где-то другие дни, когда мало и чисто было в доме после субботней бани, и с распущенными волосами, сверху лишь прихваченными лентами, сидела у самовара его ушедшая в никуда жена Раиса.

Привез он из соседнего татарского села, где похарадил дом рубить, там и половина накоротке, извадал доску. И пошел она за ним, заглянув черные глаза, через осуждение родни, мамышка, крепконога, вылезла по-особому легкие русские слова. Ну, разговоры собрались много вокруг, ну, омались кто-то, а будто и не касалась их это, победил мозгу своей радостью. И по субботам вылазалась жена желтым светом. Раиса под мыла с зипчаным жеманом, напевая родные, непонятные для мужа песни. Так и отстал этот желтый свет ее жизни в глазах Василия Никодимича, нестремимый и ласковый.

И что-то напоминало вдруг в детях жемчу, то ли раскисе глаза, влажные и спокойные в близкой доброте, или затанцовало солнце, широко заглянуло окном, осветило яву буджающим небесным светом — только почувствовал старик, что волно дышать стало и затолтелось приваскать кого-то и разговорить по большому жару, в которой и горечь бывает сладка.

Прожевал медвял, как багряная ява по пшчу.

На старшю вел старик сына Савеньку за руку, опуская обещал ему не помят до другого раза, когда подарает внук и обрадует старика привядом к ягодные места на старые поляны, и разлетится из-под его ног кузнечик.

— Ну, сказано, не помру, — уговариваясь аед и внук. — Ты в яхуи иди и про меня не забывай. А я тебе тут лодку приготавлию. Раба только слабая стала. Ну ничего, бог даст, выдуровател. А в горю, не поваю, — оборачивался к дочерям, — не по камню лопи, глаза не дай доживовору. Надуваться приехать, рад буди, а по письмам жакни не поменьше, зря чернила забыли. Смерти дурак боится, а я еще поживу. Случь чего люди расскажут. Они и скороят, они и расскажут. Случь чего.

Попелова всех неволок, пока паровоз выпускал пар седыми клубами, перекрестил Савеньку, пойдя на руки.

И отстался один перед убоящим изредом. Не махал рукой, не шлепал влася, а стоа одиноко и крико на деревянном перроне в тающем дыму, — сам, как дым, дохматый и посереженный на охолодающем ветру. А в ладони еще остывало тепло руки Савеньки, и в душе жила его детские слова.

Ржавые коле ходило широкими вострелыми кругами. И оттого-то пришло вдруг читанное давано: «Ветры возвращаются на крути спел», — и половаж спокойные руки за спишу сцепленной подковой, пошев. к своему дыму, где оставался знакомая тишина.

Вспомнил о прощании Василия Никодимича, когда искал бутылку с чернилами. И вспоминал-то вроде было нечего, но обтрелся старик собственной мыслью, как у живого отца посидла.

А чернила все не находились, такая дребеня получалась, задвинула под ноги кода-нибудь покурочке, а теперь полной да лямки, точно врезка для забав прикола. Как есть всякий утом прорубил, дыханием, махом же под старой кадкой, заросшей травой, и не сразу ушла бутылка, а только когда шла ладонью пыла.

— Вот она, — сказала обрадованно. — Куда заблела. Может, чего с ней еще и поучилась.

Заблелано освободил бутылку от пчел, откопавшу пробку и попокая горькошю. Пахло землей и больше ничем, устал запахи сам собой, истребились. Привыкая к новому занятию, собою, разглядывая бутылку на свет, обнаруживший сошлись чернила.

— Откуда! — рещна старик и добыва в сухость теплой воды. — Мил много не надо. Откуда и слов-то соберу, господи.

А потом сидел на шитком табурете перед бумагой, обмякаясь беспечно перо в получившихся чернила, и припомнил трамтоту. Давно это с Мией-тодичкой болтал на учбу и по шитому и по шитому, как колакта веселые. Мало си обща в ображке случайно, а когда вперед подинался, понаид, что выросли непонятно как. С учебой он окончив, когда родители скончались, и стаа мужиком в доме. А Миея помнюжко училась, да полавь особоний все равно не вышла. Земля была проросла, не трамтоту. А к ображке они настенько ходили, пока тогда лето и пока наковец Раиса не поподила к его сердцу, не отгадала же жизни черными глазами.

— Ягодница, — протинула Василия Никодимича, — шустрая была. И счас бегает, как лодка торит.

Тонкая ученическая ручка в побитых работах пылаха гадалься худой соломинкой. Старик притворялся для первого слова, прицелился и уронил кляксу.

— Эй, колакта! — обрнула свою исповортовальность. — Во утомла.

А чуть неваз заболело, кашкетя головкой к бумаге: «Простьба». Для него не подолоа длинное, узаконеное: «заявление», «Простьба» — это было его, нетроекмо, занявшее мало места и усердия.

«Гражданин председатель я тебя знаю почти мало потому как ты дал нам новый товарищ. До тебя те менаше дай простьбу. Человек и пенсионный. Как sempre зрно, так и новый. Стаю быте жизнь сложна к переметам. А у меня к твоему столу вот колакта простьба. Человека и пенсионный и денгами не балованный. А силе из рук ушла. Дай мне маленькую доску для камабин. Там допозвоет жеман. Жеман же простьба. Простьбу отряпа прокулаха совсем на ветру калякты. Сам я тоже собиралося туда пробавь еще четыре петь доску для спокоя и тепла. А больше ничего не пишу потому как чуждо не браа т тут также дело».

И подпавился по просторной бумаге уже объяснил с чернилами рукой. Пот сопла на лоб, как-токая маленькая, а труа, он даже пылали оменали. Расслабляя руку, осматрел нелегкое творение и отстал доволем.

— Надо было бы про живав свою чего-нибудь. Чужой я для него, — подумал с сомнением, но переписать заово отказать, потому что старина больше не осталась и надо было еще собрать аду.

Соседский мальчик Антошка гадела от добрался на собаку и махал прутиком. Василий Никодимич поддозвал его бездумно голосом и упустил куском сахара.

— Ты председателю знаешь? — спросил.

— Зна-ава-а, — сказала Антошка, накрывая сахаром рот. — В конщере песни поет. Ве-еес-селей.

— Что поет? — не понял старик.

— А что под герном. Сам итратет, сам поет. Я слушаю ходил.

— А маму слышеешь ему?

— Что же не слыши. Сахару даа, снесу. У тебя ноги болат.

— Ты не потеряй, гляди, — забеспокоился старик.

— Я и денши не теряю, а тебе бумагу что.

— Подожму тебе здесь, покуда пока.

И Антошка пропал из глаз, посеяв на улице пыла.

А старик опуст смотрел на обрвы, на реку, успокоясь на скамейке. Лаотство все так же медвяла у пнеца, хити дель и убывала помянушкой, оуслась солнечная была суббота, и в деревне утомил бани. Мамышка выла избами, и в огородах успокоивалась хитая горелая синь. Старик сплехтивился, что забыл совсем про бано, но стаа как-то все равно, а это было изьямью наружением порядка его жизни.

Иногда подозвонив поговаривался вдруг перед ним откда-то и спросила о чем-то, но старик отстался безучастен к ее вопросу.

Бабка Мамя обтресла в сторону корзину, подхватывая его под мышку, ощущая жесткость старого тела. Ко-как добралась до постели старика.

Он не самлетя, не прибегав за обещанным куском сахара Антошка, выполнив последнюю работу старого человека, не слыша, как прихидили к дому здоровые алды и складывали под окна свежее смеявистые доски.

И видел он, еще не зная, сон ли это или смеял, смеялто смеявистую Раиску яву с растерянными глазами, в которые вкладало заклетное солнце.

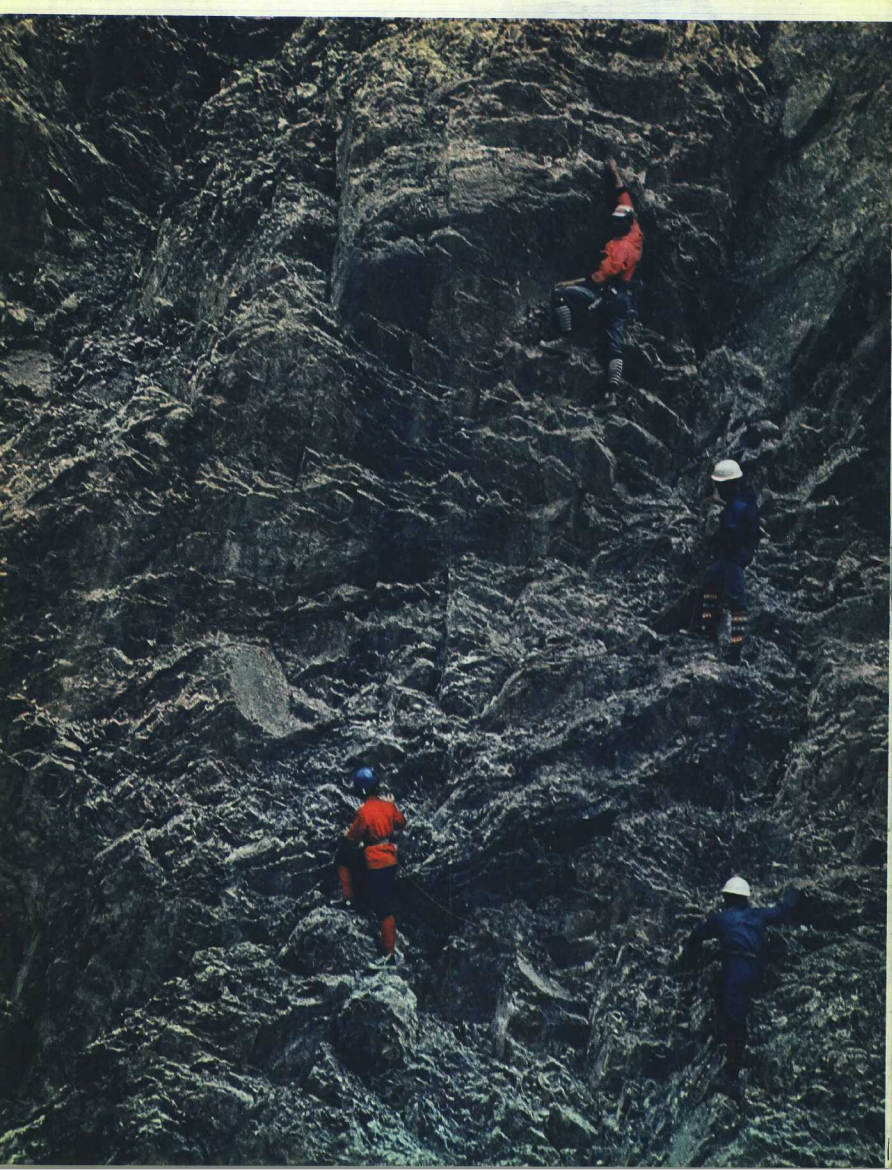
Запах солныа окружала Василия Никодимича гордой терпистостью.

«Должно быте, председателю даа доски. Сам итратет, сам поет», — догадался через усталые старик. — Савеньке-то забыл письмо написать. Ну, уже поспело...»

И был безветренный закат.

И в успокоенной тишости из близкого слова звонили колокола.

И сохраненный в расстоянии зной запяма угадующую земю, как печальный впадох.

ЗАПАМЯТАЙТЕ БОЙ

Фото и текст Эдуарда КРАВЧУКА

Ш а тропического пира — и ледяному безумию. На машинах. По знаменитым серпантинным дорогам Ош-Корог, горам, покрытым высокой траверсой в мире. Мы, большинство уж безумно, на Памире вярваве, без усталости порываемся, восходим, вертим головами.

Наши гости, альпинисты из Польши и Италии, Венгрии и Чехословакии, ГДР и Югославии, Болгарии и Австрии, люди бывалые, пришедшие в горах, побди-малот большой палец. И мы без слов прекрасно понимаем друг друга.

Потом мы все научились объясняться на живом русском «эсперанто», в котором будут преобладать славянские корни и алпийские термины.

На дороге штык в надрывах на русском и киргизском: «Привет, участники Международной экспедиции на пик Ленина!» И всякий раз в машинах радостное оживление. Но он и без того в мыслях каждого, повторяется на всех языках — пик Ленина. По рассказам стариков, но никак, по воспоминаниям, казалась бы, до малейших подробностей представлял себя теперь уж совсем спорное свидание с ним. И востановил первую встречу с памирским исполином буквально потрескавшись. Все выше и выше запрокидываешь голову, забываешь о сиюминутной бесконечности склонов, гремящих и небеса до самых облаков. И вдруг над ними на фоне небывалого темного неба возникает ослепительное холодное сияние — вершина. Невольно протянешь глаза: быть не может!

На изумрудной поляне цветут легендарные дельтавейсы. У подножия впечатительной вершины больше месяца был инсталлированный палаточный город. Почти вертодром, газ, электричество, клуб и даже баня. Словом, это был оазис уютный, благоустроенный город, в котором пели под гитару, смотрели кинофильмы, говорили болели на футбол, астронавты — чаще всего международных — врачи и стальные, учителя и строители, мастера по ремонту лифтов и доктора бизнес-математических наук, зооветеринары и артисты. Но только все они — прежде всего альпинисты. И потому нет среди жителей этого города ни одного обывателя, на тех, что, зная, с усмешкой: «Умный в гору не пойдет!»

Они рвутся и облаивают вершину. И, робей, как дети, все без исключения, даже номарческие директора, даже медики с кандидатской степенью, с замиранием сердца щупают пульс, оминая оче-

ради на прием у палатки неумолимого Дугушнера Ирданевича Мусулани, главного врача альпидиагностики. Потому что только он может дать «добро» на восхождение. А потом уходят вперед и вперед отряд за отрядом.

Для акклиматизации, заброски снаряжения и продовольствия. Первый выход — до отметки «Б 200». Вслед за тем, один обратный. Отдых трое суток. Второй выход — до отметки «Б 200». Трое суток туда. Вершина кажется совсем рядом, рукой подать. Эх, как досадно возвращаться! Сутки обратно. Трое суток отдыха.

Накануне настал день штурма. Путь и «семитизация»... Нет, не тизмный, пуда два, розками, не чересчур крутые склоны, даже не изощренный способ дотога, до тридцати градусов мороза, бешеного ветра и яростного ультрафиолетового излучения. — не они, вернее, не столько они, сколько противники восхождения. Страшнее всего надостаток кислорода. Чем ближе к вершине, тем разреженней воздух. В чужую и непривычную приятно дергать подмерзшие руки. Сварить в нем еду — почти неразрешимая проблема. Ну и не мушкетер. Только пить, пить, пить. И постоянная мечта о воздухе — настоящая бессильная родная туча. И сердце вот-вот выскочит из груди, и легкие тыщно лопят лютый, засохший проморозивший воздух. И измученный из последних сил, стиснув зубы, и уже кажется, что все, не отмахнуться, не махнуть руками и делашу следующего... Но дала шаг твой товарищ и делашу еще шаг ты. И так до самой вершины — бой за каждый шаг.

«Веселый физик Александр Устинов, непрямой солист нашего «снежного клуба», донес свою гитару до высоты 6 700.

Вечером в лагере над обледеневшими скалами, лучами солнца, давно зашедшими за горами равнины, она еще звенела. Наверное, это был мировой рекорд: утрет у гитары никто даже не исповинил».

Альпинизм не похож на другие виды спорта. Его подвиги его рекорды не видят болельщики. Побеждают вершины, человек побеждает прежде всего самого себя. Но эта победа немаловажна, одиночка, без товарищей, без тех, кто рядом с тобой преодолевает трудности и опасности восхождения.

История мирового альпинизма не знает ничего близкого тому, что произошло в год 50-летия Октября, когда на пике, носивший имя Ленина, поднялся человек трехсот человек.

В другом мушкетерских посланцев многих стран роднялся эта большая победа.

Вниз спускаться легче, но... опаснее.

В 1934 году три советских альпиниста впервые в истории поднялись на эту вершину и установили на ней всесоюзный рекорд. В 1950 году ее сумел в красную рубашку. В 1950 году ее сумел в красную рубашку, ставшая реликвией, вернулась к своему владельцу — мастеру спорта А. Полякову.

«Вертикальная стена в стороне от маршрута восхождения, но любители скалолазания никогда не упустят возможности потренироваться».

Тридцать лет назад на высоте 5 200 метров потерял оарик самолет летчика Михаила Липкина. С тех пор каждый альпинист может «приобрести» здесь сувенир — кусочек старенького «P-5».

1.

Н. Морозов, сотрудник Ленинградского филиала ЦГА ТаджССР, обнаружил в фондах Ходжентского уездного и городского исполкома интересный документ: это телеграмма на имя В. И. Ленина от Первого съезда Советов Ходжентского уезда, Самаркандской области, Туркестанской республики, датированная 20 октября 1918 года. В ней, в частности, говорится:

«...Весь пролетариат, беднейшее крестьянство уезда насчитывающее 180 000 человек объединяясь в пролетарские организации твердо ставило задачи социализма стремлясь к созданию будущей братству народов? Тогда Пролетариаты капитализма стремясь свалить весь пролетариат царицы работы послали на Вашу жизнь точка Выстрел произведенный в Вас явился сигналом к еще большому сплочению наших братьев точка Пролетарские кадры сильно сознаем что возврата прошлому нет точка Во все слухие уюлки проклята ишла социализма точка Весь пролетариат пока, что спавение его прав в победе над капиталом и мы представляем бедность выражаа любовью уверенность в победе...»

ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

апрельское обозрение

1. Телеграмма Ленину

2. Новые документы
Н. К. Крупской

3. ЮПИТЕР —
БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

4. Народный художник

5. «Импорт мозгов»

6. НОВЫЙ ВИД СПОРТА?

7. ЧЕРНЫЙ ГУЛЛИВЕР

8. Рисунки древних чукчей

9. Проект
«города под крышей»

10. Солнечное затмение
в 1968 году

Материалы перечисляются в
содержании или в иллюстрации.

4.

теший и потерявший листок — письмо Н. К. Крупской «организации детской Центральной библиотеки в г. Барнауле». Письмо, датированное 23 июля 1926 г., представляет собой ответ на письмо работ на Барнаула, рассказывавших Н. К. Крупской об организации своей детской библиотеки и обращавшихся к ней за советом и помощью.

Надежда Константиновна позволила работ за хорошее дело, дала ряд ценных советов в дальнейшей работе и написала им, что «Владимир Ильич также был другом библиотек. Ему хотелось, чтобы в нашей стране было как можно больше библиотек». Ваше письмо, — заканчивала она, — наверное порадовало бы его.

Игорский документ Н. К. Крупской передан Свердловской областной краеведческой музей. Это письмо от 30 марта 1925 г. к рабочим и крестьянкам Урала. В письме Н. К. Крупская рассказывает женщинам о том, как много лет назад она начала заниматься с работницами в вечерней воскресной школе. В ту пору было жить женщине в царское время. «Сейчас, — пишет Н. К. Крупская, — работницы и крестьянки вводят сами организовывать и работать над устройством женщин, ни минуты не сомневались, что удастся наладить светлую жизнь без нужды, темноты и эксплуатации».

Кроме перечисленных документов, в фонд Н. К. Крупской поступили воспоминания о ней.

ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ИСПЕ»

2.

В 1966—1967 гг. в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС значительно пополнился фонд Н. К. Крупской. Документы поступили главным образом от лиц, которые работали вместе с Надеждой Константиновной, и от учреждений, тесно связанных с Крупской по работе. В своем большинстве это письма, записки, заметки Н. К. Крупской, касающиеся главным образом вопросов народного образования и культурно-просветительской работы.

От Стрессовой Нины Исавовны, которая работала в Обществе педагогов-марксистов вместе с Н. К. Крупской, ЦПА получили подлинное письмо Крупской от 2 июля 1934 г., адресованное учащимся III библиотечного курса Вятского педтехникума. В нем Н. К. Крупская сообщает, что с осени 1934 г. в Вятке будет открыт библиотечный техникум. «...Сейчас на библиотечное дело обращает партия большое внимание. Работать очень много. Надо сделать библиотеки таким, как Ильич их хотел видеть».

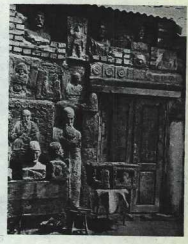
В августе 1967 г. в ЦПА пришло письмо из Алтайской краевой детской библиотеки. В конверте лежал бережно завернутый пожел-

Не является ли Юпитер огромной биологической лабораторией? Таким вопросом задались Динк Гринспан и Тобас Оуэн, сотрудники швейцарского института штата Иллинойс. Они наблюдали атмосферу Юпитера в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах и проанализировали ее состав. «Понимая, что Юпитер обещает оказаться самым результативным во всей программе космических исследований, мы таква вывод Гринспана и Оуэна».

В атмосфере Юпитера, как предполагали эти ученые, из-за его большого гравитационного притяжения сохранились первозданные вещества, из которых состоит наша Солнечная система. Данные спектрального анализа показали, что значительный состав атмосферы Юпитера аналогичен химическому составу Солнца, и атмосфере вещества, подобных тем, которые существуют на поверхности Земли до возникновения нашей жизни.

Ученые обнаружили, что неорганические вещества в составе атмосферы Юпитера поглощают энергию излучения таном образом, как и некоторые углеводороды. Точное исследование мощью космических аппаратов будущего поможет определить, не образуются ли в атмосфере Юпитера молекулы, представляющие зародки органической жизни.

ЖУРНАЛ
«САБЕНС», США

Участник первой Всесоюзной выставки самодеятельных художников в 1937 году колхозник Ш. Маррадиши — ныне пенсионер. Около 30 лет укрывает он фасад своего дома бревнами и потертыми черными щитами бытовых ценками, шедро обрамляя их красивым орнаментом. Все это художник высекает из зернистого кедра, багрового по цвету и по фактуре. Доля архажного истолкования изображения, свойственная его пластике — качества традиционного планимая изобразительности, далекой от мертвой самодельности, фотографической похороше. Дом этот — настоящий памятник искусства.

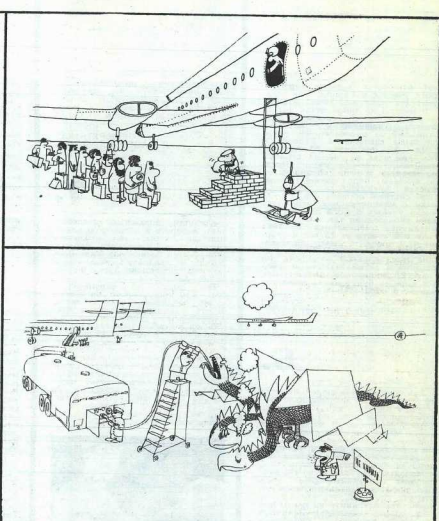
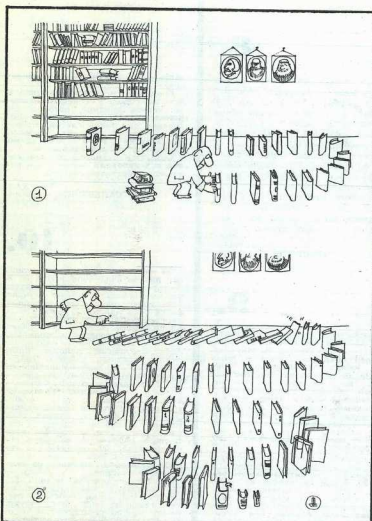
ЖУРНАЛ
«ТВОРЧЕСТВО»

5.

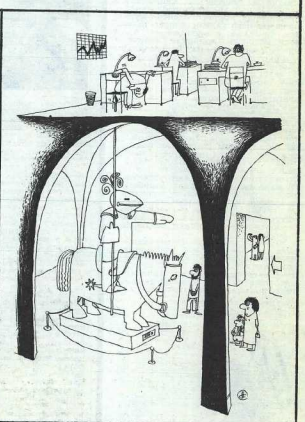
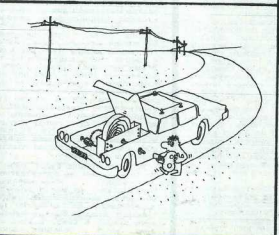
За последние 10 лет в США инвестировано 180 тысяч ученых. По подсчетам профессора Ричарда Тисмуса, США сэкономили на этом 4 миллиарда долларов, которые бы им пришлось затратить на обучение такой армии научных работников. Таким образом, эффективность профессор Тисмус, США полностью возмещают свои затраты на пресловутую «помощь» иностранному государству.

Каждый американский гражданин, по данным института страхового возмещения, в зависимости от уровня образования за время своей трудовой деятельности производит ценностей в среднем на следующие суммы: с полным средним образованием — на 219 тысяч долларов, с полным средним образованием — на 303 тысячи долларов, с высшим образованием — на 440 тысяч долларов. Если применить этот расчет и 100 тысяч иностранных ученых, то выгода от их работы составит 44 миллиарда долларов.

«Откачка мозгов» стала большим бизнесом. За последние годы американским фирмам и институтам удалось переманить 30 тысяч ученых, инженеров и врачей высшей квалификации. В результате бесчисленной перемутки научно-технических кадров Западная Европа и Япония потеряли значительную часть своих инженеров и ученых, причем на долю Англии и ФРГ падает два трети этого числа. По этим причинам Американская Ассоциация наук состоит из 24 процента из ученых, получивших высшее образование в Западной Европе. Из 43 лауреатов Нобелевской премии граждан США, 16 процентов — это люди, переманенные из Европы. Больше всего от «переманки мозгов» страдает Англия. В 1966 году одна тысяча английских ученых эмигрировала в США. Правда, за последние несколько

Андрей Некрасов по образованию архитектор. Ему 28 лет. Преподавание в Архитектурном институте он совмещает с не менее любимым занятием — изображением смешных сторон жизни. Дотошный читатель, возможно, заметит, что на рисунках художника есть «архитектурные изыскания». Но это уже связано с основной профессией Андрея Некрасова...

Первая страница обложки: восхождение на пик Ленина завершено.

Фоторепортаж «Бой за каждый шаг» см. на стр. 28—29.

Фото Э. КРАВЧУКА

Главный редактор В. И. САМОХИН.
 Редакция: В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. М. Замоскин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. М. Рубчинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.
 ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок — 53-30-97; отделы: литературы и искусства — 51-32-84; очерки и публицистика — 51-03-51; международной жизни — 53-31-03; физкультуры и спорта — 53-31-50; писем — 53-30-47; науки и техники — 51-04-10; фотографии и ретушь — 53-26-97; информация — 53-31-03; оформления — 50-29-39.

Художник-оформитель В. Соколов. Технический редактор Н. Вудина.

А 00057. Сдано в набор 8/III—1/IV 1968 г. Подписано к печати 4/IV 1968 г.
 Формат бумаги 70 × 108¹/₂. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,95.
 Тираж 1 000 000. Изд. № 789. Заказ № 808.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ТЬ В СЕРДЦЕ У МЕНЯ

Слова и музыка
Владимира БОГАНОВА

Снова фонарями
Город весь расцветен,
Снова вместе ты и я,
Звездными глазами
Нас встречает вечер,
Радость,
радость,
радость не тая.

Ты давно, как песня,
Душу мне тревожишь,
Ты ко мне приходишь в снах.
Много ешь девицоник,
На тебя похожих,
Только,
только,
только ты одна.

В доме вечерами
Светятся окошки,
Но в твоих лишь нот огни...
Ты жила там раньше,
А теперь живаешь ты
В сердце,
в сердце,
в сердце у меня.

В умеренном движении

К Р О С С В О Р Д

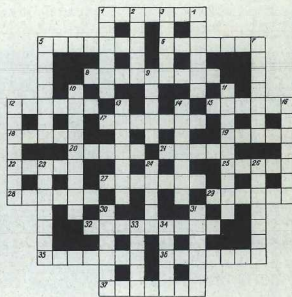
Составил И. КУЗЬМИН,
г. Славцы, Ленинградская обл.

По горизонтали

1. Писатель, лауреат Ленинской премии. 5. Пашка птица. 6. Принцип равновесия. 8. Народный художник СССР. 12. Турецкий писатель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 15. Мастер по ковче металл. 17. Скульптор, народный художник СССР. 18. Автор, народный артист СССР. 19. Тропическое плодородное растение. 20. Единица административно-территориального деления. 21. Шит со сватовскими надписями. 22. Промысловая рыба семейства карповых. 25. Тяньш. 27. Композитор, автор «Вогатрыской» симфонии. 29. Город в Дагестанской АССР. 32. Рассказ М. Горького. 35. Вид графини. 36. Советский композитор. 37. Советский авантюрист.

По вертикали:

1. Кубинский поэт, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 2. Рассказ М. С. Лескова. 3. Современный балетный танец. 4. Поэт, автор слов «Песни смелых». 5. Математический знак. 7. Молодогавдаевы. 9. Краска, разводимая в воде. 10. Весенний цветок. 11. Добровольное коллективное выполнение общественно полезной работы. 12. Русский землепроходец. 13. Народный поэт Дагестана. 14. Советский композитор и педагог. 16. Южное созвездие. 23. Порода собак. 24. Марка советского легвого автомобиля. 26. Вран, андалузский. Герой Социалистического Труда. 30. Советский поэт. 31. Партизан, автор книги «В Крайнем пополье». 33. Большая проезжая дорога. 34. Город в Великобритании.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НА ПЕЧАТАНИИ
В № 7.

По горизонтали:

5. «Трагедия». 8. Флинт. 9. Алушка. 11. Иригич. 13. Оравичево. 16. Глобус. 18. Аюкюль. 19. Пашет. 21. Найра. 23. «Юноном». 25. Золушко. 26. Уорль. 27. «Демон». 28. Терек. 29. Энеус. 31. Аргоно. 32. Коопонг. 34. Алушка. 35. «Вадим». 37. Фирсиа. 38. Алчико. 39. Богородица. 43. Волхон. 44. Нинель. 45. Сатин. 46. «Горьковский».

По вертикали:

1. Бранко. 2. Эвалон. 3. Эреш. 4. Игидия. 6. Итругул. 7. Раптра. 10. Аркан. 11. Кама. 12. Александрия. 14. Марон. 15. Электроника. 17. Сибулудия. 18. Ардукурия. 20. Топорон. 21. Мотези. 22. Курси. 24. Горал. 30. Нешал. 32. Витрон. 33. Газон. 34. Ашания. 36. Мисефа. 38. Боргес. 40. Шампан. 41. Юпитер. 42. Витраж.

ПРО ИГРУШКИ...

ЛЕБЕДИ С ЛЕБЕДИТАМИ.
Палье-ляпте. Павловский Посад.
Автор Н. М. Есипова.

ПТИЦЕЛОВ.
Сергиев Посад. Начало XIX века.

КУКЛА-УКРАИНКА.
Мягкая игрушка. Музей Александровского дворца.

Деревянная игрушка за долгую свою историю стойко выдерживала преемственность в развитии форм. По материалу она более тяготеет к скульптуре, к монументальности. Венами сохранила она образы, явившиеся из сказок, — танцовщицы «прищельчанки» были, например, щелкунчики.

На развитие промысла игрушки влияли характерные черты реальной жизни, быт, обстановка, жилищные условия, наконец, монументальное искусство — статуи в парках и садах, бронзовые фигурки.

В свое время у деревянной игрушки появились соперницы — фарфоровые статуэтки, которые и по своим размерам очень подошли и игрушке. Статуэтки покорили пластичностью форм, нежной и прочной раскраской. Но деревянная игрушка приняла вызов. И вот в прошлом веке мастера, имея исторический такт и оставшись неизвестными, создали блестящие работы, например, фигурки грибника и птицелова, те игрушки, о которых говорят, что они сделаны «под фарфор».

Эти игрушки близки к народной жизни, близки к образам простых русских людей. Фигурки обрели пластику, изящество и расписанность фарфора. Тщательно положенная краска спорила по главному со слюдяной массой.

Фигурки грибника и птицелова стали не только игрушками для малышей, но и наравне с фарфоровой статуэткой — украшением в доме.

Есть такая поговорка: «Играть в бирюльки». «Бирюлька, экая мелочка», — скажут многие. Между тем она имеет непосредственное отношение и к игрушке. Бирюльки выгачивали на токарном станке, нан, а прочее, и некоторые другие виды игрушек. Одна из таких игрушек называется укладкой, или матрешкой. Многие знают, что кукольная могла таить в себе не две-три матрешки, а гораздо больше — самые малые из фигурки были меньше размера таной игрушечной мелочи, как бирюльки.

Какие многообразие, каким превельте эти игрушки! Нет, они не только отдали вылазку на забаву. Они еще и весьма ценные образцы прикладного искусства. Творение народных мастеров.

В. ГРАЖДАНИН

ТРОЙКА.
(Деревянная, топорной работы). Владимирская губерния. 1850-й год. Автор В. А. Ганшин.

ЩЕЛКУН.
Щипцы для орехов. Центральный кустарный музей. Москва.

КОЗА И СЕМЕРО КОЗЛЯТ.
Сделана для Фестиваля прикладного искусства самодеятельных художников в Москве, Молдавская ССР.

ПЕТР I.
Богородское. Автор И. С. Кандзаурова.